

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LXI
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1–2
Olomouc 2022

Hlavní redaktor – Editor-in-Chief – Главный редактор: prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Výkonný redaktor – Editor – Редактор-исполнитель:
doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

Redakční rada – Editorial Board – Редакционный совет:
Univ.-Prof. Mag. Dr. phil. Peter Deutschmann (Salzburg)
Prof. Mikhail Epstein (Emory University, USA)
проф. Алексей Алексеевич Гиппиус, д.ф.н. (Москва)
emer. prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc. (Olomouc)
emer. prof. dr. Ulrike Jekutsch (Greifswald)
проф. Валерий Михайлович Мокиенко, д.ф.н. (Санкт-Петербург)
prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc. (Olomouc)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno)
prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra)
prof. PhDr. Zdeňka Trösterová, CSc. (Ústí nad Labem)

проф. Алла Владимировна Злочевская, д.ф.н. (Москва)

Adresa redakce – Contact Address – Адрес редакции:

Rossica Olomucensia, Katedra slavistiky, Filozofická fakulta UP, Křížkovského 10, CZ-771 80 Olomouc
jitka.komendova@upol.cz

Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii navazuje na ročenku *Rossica Olomucensia* vydávanou v letech 1968-2007. Od r. 2008 jsou pod hlavičkou *Rossica Olomucensia* vydávány dvě řady: 1) **Časopis pro ruskou a slovanskou filologii** (dvakrát ročně) s uvedením ročníku a čísla (např. Vol. XLVII a Num. 1, 2) a 2) **Sborník příspěvků z mezinárodní konference Olomoucké dny rusistů** s uvedením ročníku. Obě řady jsou rozlišeny podtitulem. V r. 2009 byla *Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii* zařazena na Seznam recenzovaných neimpaktovaných periodik vydávaných v České republice. Elektronická verze časopisu je umístěna na stránce: http://www.rusistika.upol.cz/veda_a_vyzkum/rossica_olomucensia.html

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci
Křížkovského 8, 771 47
www.vydavatelstvi.upol.cz

Odpovědný redaktor: Bc. Otakar Loutocký

Technická redakce: doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

Návrh obálky: Ivana Perůtková

Vychází dvakrát ročně (červen a prosinec)

Náklad: 45 výtisků

ISSN 0139-9268 (print)

ISSN 1804-1434 (online)

Reg. č. MK ČR E 18418

ROSSICA OLOMUCENSIA

1-2
Num.
Vol. LXI

Olomouc 2022

ČASOPIS PRO RUSKOU A SLOVANSKOU FILOLOGII

Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře, udělené roku 2022 Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR v rámci Institucionálního rozvojového plánu, Filozofické fakultě Univerzity Palackého v Olomouci.

Adresa, na níž je možno časopis objednat:

Prodejna VUP

Biskupské náměstí 1

771 11 Olomouc

e-mail: prodejna.vup@upol.cz

e-shop: www.vydavatelstvi.upol.cz

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LXI
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1–2
Olomouc 2022

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

АННА АНАТОЛЬЕВНА ЗАБИЯКО, ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА ЦМЫКАЛ: Поэтический этнографизм в лирике дальневосточных эмигрантов: лекарство от ностальгии	5
JAN FOLTÝN: Intertextualita jako románový postup v románu Оправдание	23
АЛЕКСАНДРА ТІХВОНЁВА: Языковый вопрос Русинів в періоді жывота і дія- тельства А. Бачинського	41

RECENZE – REVIEWS – РЕЦЕНЗИИ

Ольга Бергер: Синтаксические термины в русском и чешском языках: сопоставительный аспект (на материале выбранных терминов) (Marta Vagnerová)	59
Na prahu milénia. Antológia súčasných ukrajinských umeleckých textov (krátke útvary v 21. storočí), ed. Adriana Amir. (Фелікс Штейнбук)	63

ZPRÁVY – NOTES/NOTICES – ОТЧЕТЫ/ОБЪЯВЛЕНИЯ

Poslední monografie Ally Vladimirovny Zločevské (Zdeněk Pechal)	67
---	----

АННА АНАТОЛЬЕВНА ЗАБИЯКО*Россия, Благовещенск***ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА ЦМЫКАЛ***Россия, Благовещенск***ПОЭТИЧЕСКИЙ ЭТНОГРАФИЗМ В ЛИРИКЕ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЭМИГРАНТОВ:
ЛЕКАРСТВО ОТ НОСТАЛЬГИИ?*****АБСТРАКТ:**

The article examines a special type of artistic perception of a foreign culture by the consciousness of an emigrant – poetic ethnography. The authors present it as a manifestation of artistic ethnography in a lyrical discourse. The singularity of lyrical emotion, the heightened individuality of artistic images of the perception of a foreign culture, their conditioning by certain genre and stylistic features (people's democratic lyrics, symbolism, avant-garde; mythological plot, sketch, essay, lyric monologue, narrative lyrics, etc.), on the one hand, do not create a holistic picture, on the other hand, in capacious details and lyrical remarks they capture not only the essential characteristics

*** Благодарность**

Исследование поддержано грантом Российского фонда фундаментальных исследований. Тема «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)», проект № 20-012-00318. Acknowledgement

The study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research. The theme “Images of Russia and China in literary ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 20–40s. XX century)”, project No. 20-012-00318.

Статья написана при поддержке Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», в рамках лаборатории под руководством молодых исследователей. Проект № FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6.

of the perceived foreign cultural realities, but also characterize the recipient himself. The material of the study is the lyrics of the poet Arseny Nesmelov, the most distant from scientific ethnographism, the poet of Russian Harbin, and the image of China and the Chinese in the poems of 1926–1945. Nesmelov's images of perception of China and the Chinese in their conceptual content are undergoing evolution – from neomythologism and spatio-temporal indifference inherent in a former metropolitan journalist – to the point of view of a “simple Harbin man in the street” and further, to a detailed penetration into the everyday psychology of ordinary Chinese (Manchus), residents Manchuria (peasants, boatmen, carters, hunghuz, “striker”). In the lyrics and epic lyre, the “Manchurian” Nesmelov very soon abandoned modernist gestures, turning in his ethnographic sketches to narrative as a way of expressing the image of perception. Here, in his arsenal – the most diverse methods of creating an imagological image: portraits, characteristics, dialogical-monologic forms, rhetorical questions, pidginized naming of Russians and Chinese, pictures from life, interspersing regional geographic comments, etc.

KEY WORDS:

Literary ethnography – poetic ethnographism – image of perception – literature of the Far Eastern emigration – Russian Harbin.

Ностальгия и этнография – понятия разноположенные, в определенном смысле даже – разнонаправленные. В изначальном понимании ностальгия – психологическое чувство, тоска по родине, экзистенциальное состояние осознания себя в качестве «чужого» и стремление хотя бы мысленно вернуться в те родные пределы, где комфортно, где все знакомо, где каждый кустик – хотя и кривой, а «свой». Этнография же, как известно, это наука о познании и описании других этносов, расширяющая «свои» представления о «чужом», разрушающая стереотипы о приемлемости/неприемлемости этого «чужого», зачастую приводящая к признанию его как «своего». Тоскуя по отчизне, обрести ее подобие через постижение и приятие чужбины – только в таком широком контексте категории «ностальгии» и «этнографии» как формы творческой рефлексии и саморефлексии могут найти точки пересечения.

Условия для постепенного и безболезненного вращивания в «чужие» пространства и «чужую» культуру были судьбой предоставлены русской эмиграции в Китае, быт и бытие которой складывались на территории дальневосточного фронта [Забияко А. П. 2016]. Фронтальный тип ментальности позволил дальневосточным беженцам не только осознать непреложность своей экзистенции на границе отчизны и чужбины, между дореволюционной и послереволюционной жизнью, «красными» и «белыми», русским и китайским миром – но и возможность преодоления этой границы [[Забияко А. П. 2015]. В своем понимании фронта (порубежья) не только как территориальной, темпораль-

ной, но шире – онтологической категории мы исходим из того, что это: «предел определённого типа бытия, но не обязательно состояние его креативной немоци. На границах своего существования бытийствующая реальность может явить впечатляющие образцы витальности и креативности» [[Забияко А. П. 2016].

Центр восточного зарубежья – Харбин – и прилегающие к КВЖД территории являли собой уникальную миниатюру дореволюционной провинциальной России, окружающие пространства маньчжурской тайги мало отличались от привычных большинству беженцев реалий дальневосточных лесов, да и климатические условия были им весьма по душе. Разве только что ветер из Гоби дул сильнее да зимы были помягче... У выходцев из Российской империи не вызывало неприятия и китайское окружение – с середины XIX в. китайские мигранты-отходники, «ходи»,¹ наводняли приамурские, приморские, сибирские просторы, работая на золотодобыче, в лесном и морском промыслах, добывая женьшень, служа при богатых русских домах.

Фронтирное бытие дальневосточных беженцев способствовало продуцированию специфических литературных форм изживания тоски по ушедшему и потерянному. Образы Китая (в первую очередь, Центрального и Южного Китая, а уж потом Северной и Южной Маньчжурии, Трехречья) и китайцев (ханьцев, маньчжуров, корейцев, монголов, малых народов) в художественном творчестве русских беженцев были неотделимы от работы этнического сознания по восприятию инокультуры. *Образ восприятия в литературе* – художественная проекция этнического сознания, обусловленная исторической ситуацией, в которой происходит встреча этносов, этническими константами воспринимающих культур, а также этническими, политическими, социокультурными и художественными установками каждого конкретного автора [Забияко, Сенина 2021].

Приступая к художественному освоению чужой страны и населяющих ее народов, русские писатели-эмигранты осуществляли свои интенции разными путями, в зависимости от перечисленных установок каждого из авторов – родился он и вырос в Сибири или на Дальнем Востоке в ситуации тесных межэтнических контактов (А. Ачаир, В. Март, В. Переле-

¹ *Ходя* – (от *хуоцзи*, 伙计 (*huǒjì*) «напарник», «приятель», «работник»; русск. *ходи* – мн. ч.) – просторечное именование китайцев на русском Дальнем Востоке и позднее всей российской территории. Возникло от расхожего обращения друг к другу китайских мигрантов, работающих в России. Об этом: Забияко А. А. Забияко А. П., Чжан Жуян. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 5. – С. 135–151.

шин и др.) или же в столице (А. Несмелов), приехал он в Маньчжурию до революции, в начале XX в. (Н. Байков, П. Шкуркин) или же после Ледяного похода (Л. Ещин, Вс. Иванов); был близок к научным кругам либо был завсегдатаем литературных салонов; жил все время в Харбине (А. Несмелов) или же в Шанхае (М. Щербаков, Г. Кочуров), либо имел возможность сравнить эти абсолютно разные образы жизни (А. Паркау, Л. Андересен, Л. Хаиндрова, Н. Щеголев, П. Северный); знал китайский язык либо нет и т.д.; был городским либо «таежным» жителем и т.д. [Забияко, Эфендиева 2008; Кириллова 2015; Землянская 2020; Цмыкал 2021]. Так или иначе, каждый из перечисленных авторов соприкасался с этнографическим материалом, такова была реальность их изнаннического литературного быта и бытия.

Этнографизм в литературе является одним из действенных способов постижения «чужого» и если не «усвоения» его, то понимания. Рефлексия образа Китая и китайцев осуществлялась дальневосточными писателями-эмигрантами в форме стилизаций (И. Орлова, А. Ачаир, В. Перелешин), мифологических реконструкций (Ю. Крузенштерн-Петерц), металитературной рецепции (Г. Кочуров, В. Качоровский и др.) и т.д. [Ли Иннань 2009; Забияко, Эфендиева 2008]. К середине 20-х гг. в харбинской литературе в разных жанровых и дискурсивных формах оформляется и развивается *художественная этнография* как основное, абсолютно оригинальное направление познания русскими писателями себя в Китае и Китая в себе (в творчестве П. Шкуркина, Н. Байкова, В. Марта, М. Щербакова, Б. Юльского и др.). *Художественная этнография* – результат *художественного освоения* авторами культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определенного этноса, населяющих те или иные географические пространства [Забияко 2021].

Однако есть еще один тип художественной этнографической рецепции, точнее – переосмысления этнографических наблюдений сознанием лирика, так называемый *поэтический этнографизм* [Цмыкал 2021]. Специфика создания лирического текста, как известно, – в глубоком субъективизме, в преобладании чувственного восприятия над аналитическим. Лирическое высказывание – психологическая компенсация художника за переживание, если не панацея, то своего рода паллиатив. Безусловно, единомоментность лирической эмоции, пунктирность этнографических деталей в стихотворении зачастую не дают целостного образа инокультуры. Лирике претит подробность описания, потому этнографические детали в лирических стихотворениях, несмо-

тря на меткость, всё же не создают целостного этнографического текста – если, конечно, мы не обращаемся к лирическим повествованиям, переложениям мифов, мифем, сюжетов классических текстов [Цмыкал, Забияко 2021]. Однако емкая деталь, глубинная имманентность ощущения может зачастую в сгущенной форме более точно отразить образ восприятия инокультуры, преодолевая громоздкость развернутых описаний – так, к примеру, происходит в лирических эссе Лариссы Андерсен, в лирике Леонида Ещина, Алексея Ачаира, Николая Светлова, и, разумеется, Валерия Перелешина.

Так или иначе лирический этнографизм, связанный с художественной рефлексией образа восприятия Китая, коснулся почти всех поэтов дальневосточной эмиграции. Но наиболее интересными, на наш взгляд, представляются опыты поэтического этнографизма – по принципу «минус-приема» – в творчестве лириков, весьма далеких и от научных штудий, и от явной прокитайской ориентации.

В данной статье речь пойдет об Арсении Несмелове, личности незаурядной, таланте в русской литературе, до конца еще не познанном. Арсений Иванович Несмелов (Митропольский) (1889–1945) – сын надворного советника, брат известного журналиста и редактора И. И. Митропольского, воевавшего, кстати, в Маньчжурии. До недавнего времени мы считали, что, кроме публицистических статей, Иван Митропольский написал лишь «Повесть из манджурской жизни» о русско-японской войне «Маленький манза» (1913) [Забияко, Ван Юйци 2021]. Однако последние архивные разыскания позволяют говорить о том, что брат А. Несмелова стал писать «рассказы из маньчжурской жизни» практически еще находясь на линии фронта в 1904 г. (рассказ «Хунхузы» и др., 1904–1905 гг.). Его отношение к китайцам, маньчжурам, выраженное в этих рассказах, определенно могли повлиять на Арсения, пока еще и не помышлявшего о том, что он сам в скором времени окажется на тех территориях, где набирался этнокультурного батального опыта его брат.

Арсений Митропольский учился в Втором Московском кадетском корпусе, закончил Нижегородский Аракчеевский, успел поучиться на Психоневрологическом отделении Московского Университета; с юности много читал (Ницше, Шопенгауэр, Фрейд, Юнг), испробовал перо в качестве автора столичных газет и журналов («Нива», «Семафор», «Столичная молва»). Прошел фронты Первой Мировой, одновременно служа в качестве сотрудника тайной полиции. Революцию не принял, участвовал в Московском восстании, оказался в Омске в ставке Колчака, с белыми войсками прошел Ледяной поход, пережил недол-

гую владивостокскую передышку и оказался в Харбине [Забияко А. А. 2016]. От ориентальных увлечений Несмелов был достаточно дистанцирован, китайского языка не знал и не учил. При этом еще во Владивостоке Арсений Иванович сдружился с В. К. Арсеньевым, до конца жизни восхищался его исследованиями в области этнографии. Одним из первых в дальневосточном зарубежье Несмелов приблизился к художественной рефлексии теории этничности и проблем маргинализации этнического сознания, внес свое, несмеловское прочтение в прозу художественной этнографии русской Маньчжурии 20–40-х гг. (рассказ «Игра на мясо» (1926), стихотворение и рассказ «Ламоза» (1940), повесть «Драгоценные камни» (1943), рассказ «Сторублевка» (с подзаголовком «давняя харбинская бль») (1945) и т.д. [Забияко А. А. 2016: 392–420, Забияко, Сенина 2021].

Однако стихотворений о Китае и китайцах у поэта-харбинца Несмелова – не так уж много. Подчеркнем – в разговоре о Несмелове мы не склоняемся к проблеме дискурсивного изоморфизма, присущего некоторым художникам [Забияко 2004]. В лирике Арсения Несмелова, мы, скорее, замечаем обратную тенденцию – влияние прозаического начала на поэтическое, о чем скажем ниже.

Несмелов всегда не был чужд литературной конъюнктуре. В Харбине он жил на подённый заработок от публикации своих произведений (рассказов, фельетонов, стихов в «Рубеже», «Заре» и т.д.). Писатель умело манипулировал дискурсивными формами выражения и жанрово-стилевыми возможностями слова. Помимо следования «злобе дня», он не только чутко реагировал на литературный и общественный запрос – умел предвосхищать новое в литературе и науке.

Не случайно Китай в широком смысле, а затем Маньчжурия, китайцы /маньчжуры появятся в лирике поэта лишь спустя шесть лет после того, как он таежными тропами переберется в Харбин из Владивостока (Несмелов 2006) – только к концу 20-х гг. культурное сообщество «Харбина-папы» созреет до осознания своих уникальных географических и этнокультурных координат, преодолев иллюзии о скором возвращении в утраченную Россию. В первых несмеловских опытах Китай и Маньчжурия – образы по большей части отстранённо-литературные, скорее рассчитанные на читателя «по ту сторону границы». «Легенда о драконе» (1927) будет опубликована в советском журнале «Сибирские огни» и целиком совпадет с актуальным для советского сознания той поры образом восприятия Китая как экзотической страны, поднимающейся на борьбу с иностранцами (Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943; Рабочая Москва 1927; Забияко, Землянская

2021). Вспомним – именно в эти годы создаются «китайские» агитационные стихотворения любимого Несмеловым В. Маяковского («Прочь руки от Китая», 1924; «Московский Китай», 1926, «Прочти и катай в Париж и в Китай», 1927).

Арсений Несмелов, как мы видим, не позволяет себе этнокультурных спекуляций расхожими образами восприятия по принципу «Китай – это родина чая, родина риса», китайцы – «кули» и «рикши» (Маяковский, 1940: 512–519). Опираясь на базовые китайские этнические мифологемы, поэт создает легенду о драконе-Янцзы, пожравшем первый английский пароход, и проецирует этот сюжет на современную революционную ситуацию на юге Китая:

А с берегов,
Из тростниковых хижин,
На пароход,
На дыма черный вал
Глядел крестьянин,
Робок и унижен,
И дьяволом его именовал.

И ... там,
Где солнце
Медно-красным диском
Склонялось в аспид
Острогрудых круч,
Вдруг появились
В отдаленьи близком
Клубящиеся змеи
Черных туч...

Из дыма их
На аспидные кручи
Окрасив в пурпур
Блеклый небосклон,
Неслышно выполз
Сказочно могучий
Тысячекрылый
Огненный дракон...

(Курсив наш. – Авт.)

Стихотворение не имеет исторической основы и представляет яркий образец революционной неомифологии. В ее сюжетной схеме Несмелов – сам «белый дьявол» – встает на сторону «робкого» и «униженного» китайца как представитель этноса, которому «совсем не стойка / Надменность в отношении рас» [Несмелов 1944]. Повествовательная фор-

ма легенды дает автору карт-бланш для «воссоздания» «объективной» точки зрения китайского сознания на иностранцев – «белых дьяволов» [Забияко, Забияко, Чжан 2020]. Убедительность для читательского восприятия придуманного сюжета вполне соответствует этнической константе китайского характера – способности долго помнить нанесенные обиды [Забияко А. П., Кобызов, Понкратова, 2009]. Жители Поднебесной даже сейчас не забыли унижений, испытанных за годы опиумных войн, и подобная легенда вполне могла родиться в китайском народном сознании в качестве этнопсихологической компенсации:

Прошли года,
Прошли десятилетия,
Развеян сказки
Рухнувший уют,
Но,
Как тогда,
И в это лихолетье,
Преданье вспоминают
И поют...

(Несмелов 1927)

Заметим – уже в этом стихотворении Несмелов подспудно сталкивает стереотипные образы взаимовосприятия, бытующие в русском и китайском этническом сознании. В тексте поэтической легенды, несмотря на отсылку к устойчивому китайскому образу иностранцев, дьявольская, «адская» семантика сопровождает как раз-таки образы, связанные с китайской мифологией – это и «аспид острогрудых круч» («аспидные кручи») китайских гор – кстати, места обитания Духа гор и Лесов, «клубящиеся змеи черных туч» и т.д. Стопный рисунок стихов имитирует очертания драконьей фигуры – внешне он напоминает «маяковскую лесенку», но это только визуальная стилизация. Разбивка 5-стопного ямба на неравносложные строки (например, 2–4–2–3–5–1–2–3–3–2–3–3–2 и др.) создает эффект «вольного ямба», однако в некоторых стопах эта неупорядоченность приводит к появлению хорейческих строк. Расшатанность и непредсказуемость стопного чередования строк органично передает потрясение иностранных захватчиков, вдруг оказавшихся перед лицом огнедышащего чудовища-Китая.

Следующие лирические опыты рецепции Китая и китайцев появятся у Несмелова значительно позднее, уже в начале 30-х гг. г. Характерно, что начнутся они с нагруженного глубокой экзистенциальной печалью и мифопоэтическими аллюзиями стихотворения «Прикосновения»,

где китаец-перевозчик уподоблен античному Харону, переправляющему души умерших на тот свет:

*Была похожа на тяжёлый гроб
Большая лодка, и китаец грёб,
И вёсла мерно погружались в воду...
И ночь висела, и была она,
Беззвёздная, безвыходно черна
И обещала дождь и непогоду.*

Слепой фонарь качался на корме, –
Живая точка в безысходной тьме,
Дрожащий свет, беспомощный и нищий...
Крутились волны, и неслась река,
И слышал я, как мчались облака,
Как медленно поскрипывало днище.

И показалось мне, что не меня,
В мерцании бессильного огня,
На берег, на неведомую сушу –
Влечет *гребец безмолвный*, что уже
По этой шаткой водяной меже
Не человека он несёт, а душу.

(«Без России» 1931. Курсив наш. – Авт.)

Написанное пятистопным ямбом в сложно построенных шестистишиях с рифмовкой ААbССb, стихотворение исполнено интонационной монотонией и аллюзивно обращает читательское сознание к философскому раздумью. Образ китайца в нем – символичен: с одной стороны, в нем развиваются те inferнальные ассоциации, что мы наблюдали в стихотворении «Легенда о драконе», с другой же – символически обозначено «умирание» лирического субъекта во всех его прошлых ипостасях, в первую очередь – в качестве русского (бойца, литератора, человека).

«Свою страну, страну судьбы лихой, / Я вспоминаю лишь литературно» – признается лирический герой начинающего сборник «Без России» стихотворения [Несмелов 2006: 99]. «Похоронив» себя в чужой стороне, выяснив по-мужски отношения с Родиной – возлюбленной, женой, покинувшей женщиной [Забияко 2015: 163–167] – Несмелов обратит свои взоры на Китай (Маньчжурию).

Стихотворения пишутся в годы, когда Маньчжурия уже находится под властью японцев, и китайскому населению приходится переживать страшные времена геноцида. Сам Несмелов, как известно, с японцами умудрялся ладить, сотрудничал с ними еще во Владивостоке, а затем в Харбине, даже преподавал в прояпонской школе по подготовке ди-

версантов для заброски в СССР (Буяков 1994). Однако лирика Несмелова (лирический герой Н. Дозорова, фашистского лирического героя поэта – отдельная тема) [Забияко А. А. 2016] той поры о Китае абсолютно не связана ни с политической конъюнктурой, ни с шовинистическими настроениями. Напротив, наблюдая повседневное унижение китайцев японцами, Арсений Несмелов 30-х гг. словно чувствует все более глубокий интерес к маньчжурской повседневности, проявляя качества беспристрастного эмпирика-наблюдателя и одновременно – поэта-философа:

Ворота. Пес. Прочавкали подковы,
И замер скрип смыкающихся створ.
Какой глухой, какой средневековый
Китайский этот постоянный двор.

За ним – поля. Кумирня, кукуруза...
А в стороне от глинобитных стен,
На тонкой жерди, точно для антенн, –
Отрубленная голова хунхуза.

(Несмелов 1932. Курсив наш. – Авт.)

Обращение к блоковскому топосу бессмысленности бытия, где жизнь движется по замкнутому кругу («Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» А. Блок // «Ворота. Пес. Прочавкали подковы», «За ним – поля. Кумирня. Кукуруза...» А. Несмелов) – разумеется, не формальная ритмико-синтаксическая проекция Несмелова. Удлиняется на стопу ямбический стих – усиливается ощущение тягостной тягучести времени в этом постоянном дворе. Познавший высоту онтологических раздумий петербургского поэта, лирический герой Несмелова увязает в вынужденной безысходности ментального и бытового маньчжурского средневековья и своего непонимания этой духовной «глухоты». На фоне ассоциаций, связанных с радиоантеннами (знаком технического прогресса), отрубленная голова хунхуза – точно картинка из давней исторической хроники. Оттого пространственный образ восприятия Китая неотделим здесь от временных характеристик, в которых определения «средневековый», «тысячелетний», «глухой» являются синонимами и перифразами топосов «застойный», «недвижный» (Китай).

Чтобы избавиться от выморочной «закостенелости» инокультурных реалий, Несмелов экспериментирует с ритмами, метрами, образным потенциалом. Он модернизирует образ Китая, живописуя его с налётом футуристической вычурности. В строфы трёхстопного дактиля он «вплавляет» острающие их акцентные стихи, орнаментируя изображение

китайского храма *enjambements* и лексическими элементами традиционной эстетики и бытовой культуры Поднебесной:

*Узкие окна. Фонарика
Продолговатый лимон,
Выжженный в мреющем паре – как
Вызолоченное клеймо.*

*Думаешь: тщательно вырисуи
Загнутых кровель углы.
Звёзд лиловатые ирисы,
Синее марево мглы.*

*Небо... Не медными горами
Над перевалом веков –
Храм с девятнадцатью Буддами
Медленных облаков.*

(Несмелов 1932. Курсив наш. – Авт.)

«В Китае» практически безглагольно – это своего рода буддийская медитация, рождающая лирический посыл запечатлеть свой этнографический и этнорелигиозный опыт: «Думаешь: тщательно вырисуи...». Среднее четверостишие, написанное в определённо-личной манере – полу-призыв, полу-рефлексия ощущения-созерцания. Финальная строка, уподобляющая небо буддийскому храму, демонстрирует читателю не просто осведомленность поэта о некодифицированности буддийских постулатов и их открытости для воспринимающего сознания. Облаков-будд девятнадцать, это произвольное число – просто потому, что именно столько их увидел лирический герой в данный момент на небосводе.

До конца 30-х гг. в немногочисленных попытках поэтического этнографизма, обращенного к маньчжурским реалиям, Несмелов чаще всего прибегает к зарисовкам-миниатюрам. Не случайно жанровое определение таких стихотворений – «Из китайского альбома» – словно собрание эскизов с китайской (маньчжурской) природы. Для данной жанровой формы он прибережет свои способности портретиста в духе передвижников, следуя стереотипному представлению о «национальном облике китайцев» – простых крестьян:

*Китаец, до пояса голый,
Из бронзы загара литой,
Не дружит с усмешкой весёлой,
Не любит беседы пустой.*

*Уронит гортанное слово
И вновь молчалив, и согбен –*

Работы, заботы суровой
Влекущий, магический плен.

(Несмелов 1935 Курсив наш. – Авт.)

Тема тяжкого, изнурительного труда китайца-земледельца органично вплавляется в семантический ореол русского 3-стопного амфибрахия, ассоциирующегося с некрасовской «народолюбческой» темой («Есть женщины в русских селеньях...»), что, безусловно, способствует имманентной настроенности русского культурного сознания на чужие этнокультурные реалии. Данный образ не случайно импонирует и китайскому, и русскому восприятию, в которых весьма устойчивым представляется клише о китайской любви к труду (Ли Иннань 2002).

Безглагольное стихотворение-перечень – психоэмоциональный инвариант несмеловского постижения китайской реальности: «Ворота. Пес. Прочавкали подковы...» (Из китайского альбома), «Узкие окна. Фонарика / Продолговатый лимон...» («В Китае»), «Щетина зеленого лука / На серой иссохшей гряде. / Степные просторы, да скука, / Да пыльная скука везде» («Гряда»). «Пыльная скука» маньчжурской бытовой жизни, идеал которой «Гряда, частокол да мотыга, / Всю душу в родную грядку!», безусловно, не становится органической частью жизни лирического героя – это «влекущее, сладкое иго», сущность которого он понимает, но в нем нет для него спасения.

В фокусе последующего лирического восприятия – не только китайцы-землепашцы, но и погонщики волов, лодочники («юли-юли»), возчики салазок по льду Сунгари (так называемые «толкай-толкай»), слуги («бои») при харбинских домах:

По дороге, с ее горба,
Ковыляя, скрипит арба,
Под ярмом опустил кадык
До земли белолобый бык.

А за ним ускоряет шаг
И погонщик, по пояс наг.
От загара его плечо
Так коричнево горячо.

Так и тысячу лет назад
Шли они, опустив глаза,
Наклонив над дорогой лбы,
Человек и тяжелый бык.

«Около Цицикара» (Несмелов 1938. Курсив наш. – Авт.)

Поэту нужен яркий, знаковый образ китайца – оттого его погонщик снова «до пояса наг», «от загара его плечо / так коричнево горячо». 3-иктный урегулированный дольник, которым написано стихотворение, вкупе с ономапейными звукообразами *дороге-горба-скрипит-арба-кадык-бык* соответствуют «ковыляющему» ритму движения колес арбы, ее нескончаемого в веках движения.

Простой китаец близок лирическому субъекту Несмелова – и здесь он демонстрирует свои лучшие качества русского интеллигента, далекого от «великоросской» гордости. Потому «бронзовый с синевою» *ходя* – лодочник-перевозчик через Сунгари – становится «подельником» лирического героя в побеге от «зоркой боли, / от злости и коньяку»:

Мне душно от зоркой боли,
От злости и коньяку...
Ну, *ходя*, поедем, что ли
К серебряному маяку!

*Ты бронзовый с синевою,
Ты с резкою тенью слит,
И молодо кормовое
Весло у тебя юлит.*

Ну, *бронзовый мой китаец*,
Юли же, *юли-юли!*²

(Несмелов 1936. Курсив наш. – Авт.)

Трёхударный акцентный стих на основе амфибрахия придает лирическому высказыванию форму свободного монолога, обращенного и к самому себе, и к своему безмолвному и доброжелательному спутнику-«ходе», «юли-юли».

Испробовав разные формы создания образа художественного восприятия китайцев, поэт постепенно обращается к повествовательной лирике. С теплым чувством, в духе детской поэзии, для чего весьма

² *Юли-юли* (пидж.), очевидно, от кит. 游 you «плыть» и побудительной словоформы «游啦, 游啦» «yóulā, yóulā» «плывем!», вежливого призыва к путешествию на лодке. Именование и лодки, и самого китайца-лодочника, управляющего кормовым веслом, во Владивостоке и в Харбине. В результате народной этимологизации русскими жителями, пользующимися этим видом транспорта, было переосмыслено как русский императив от глагола «юлить» (скользить, вертеть, управлять кормовым веслом). Пример расхожести такого толкования являет примечание самого Несмелова к публикации в «Рубеже»: «“Юли-юли” называют во Владивостоке лодки с парусом и кормовым веслом, а также и лодочников-китайцев, управляющих этими судами», а также его реплики в беллетризованных мемуарах «Наш тигр» (1944).

пригодился 4-хстопный хорей жМжМ, в стихотворении «Старый знакомец» выразит Несмелов отношение к бою Василию:

Все оделись, стол накрыли
И к Заутрене ушли.
Остается бой (в Василья
Переделанный из Ли)
Ли Тун-чен, старик отличный
Из далекого Чи-фу;
Не случайно, Вася, нынче,
Ты попал в мою строфу!
Много лет в семействе этом
Служишь, в дружбе не лукав,
И не буду я поэтом,
О тебе не написал

Знакомые с прозой брата поэта – Ивана Митропольского, сразу обнаружат в последующих строчках, превозносящих русского бога в глазах китайца, влияние на Несмелова повести «Маленький манза» [Митропольский 1913]:

Огонек уединенно
Озаряет кроткий лик.
Ночь колышется от звона
И за домом, и вдали.
Ночь гремит о высшем чуде,
Ночь от радости гремит...
«Русский есть хороший люди!» –
Вася твердо говорит.
Почему? И некий отзвук
Из глубин души истек:
«Потому что у ламозы³
Бог как люди: добрый Бог»

(Несмелов 1941. Курсив наш. – Авт.)

Вопреки высказываниям некоторых китайских ученых [Ли Мэн 1999], харбинская реальность, социокультурные и экономические условия формирования харбинской культуры были таковы, что отношения между русскими и маньчжурами, китайцами складывались на основе не расовых предубеждений, а человеческих симпатий. В рассказе «Пор-

³ Ламоза – 老毛子 (lǎomáozi): *груб.* «волосатый, волосатик» (русский, иностранец); *букв.* «старая шапка» (прозвище русских в Харбине в 30–40-е гг. XX в. // Забияко А. А., Забияко А. П., Чжан Жуан. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 5. – С. 135–151).

трет Луки Паччиоли» этот же (или тезка) бой Василий самоотверженно спасет своего русского хозяина, «капитана», от русского же грабителя. И здесь можно сказать еще об одной особенности поэтического этнографизма Арсения Несмелова – тематическом (не дискурсивном) изоморфизме его лирических и прозаических текстов, обращенных к образу восприятия (стихотворение «Ламоза» – рассказ «Ламоза», стихотворение «Старый знакомец» – рассказ «Портрет Луки Паччиоли» – поэма «Нина Гранина» и т.д.).

Заключение

Поэтический этнографизм не стал лекарством от ностальгии «мужественного» лирика-эмигранта Арсения Несмелова. Но созданные по этому образы восприятия Китая и китайцев подарили харбинскому читателю меткие характерные картинки с «китайской (маньчжурской) натуры», в которых отразились не только взгляд на Маньчжурию и ее жителей, их культуру и нравы, но и опыт самовосприятия русского поэта на randevu с Китаем.

«Китайские» стихотворения Арсения Несмелова в определенной мере стали лирической квинтэссенцией процесса постижения им «чужих» пространства, культуры, социума. И одновременно – отразили этапы личной самоидентификации и самовосприятия себя в этом «китайском» мире как поэта и русского человека. Начав с неомифологической легенды, поэт переходит к зарисовкам «Из китайского альбома», пытаясь изжить свое неприятие Китая футуристической эстетикой и метрическими экспериментами. Постепенно «чужая» культура, «экзотический Китай» обретает антропологические очертания конкретных людей, китайские персонажи становятся молчаливыми, но доброжелательными *vis-a-vis* лирического героя, стремящегося постичь древние этнокультурные основания окружающего его мира.

Перепробовав разнообразные жанровые формы лирических высказываний, поэт все более стремится к эпичности, повествовательности – срабатывает накопленный опыт восприятия инокультуры. Не случайно его последние стихотворения выглядят словно очередные фрагменты (наброски) незаконченной поэмы «Нина Гранина» – своеобразной энциклопедии харбинской жизни. В них лирическая субъективность отходит на второй план, а читателю предлагается широкая панорама русско-китайского харбинского мира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БУЯКОВ, А. (1994): Русский поэт и фашист. *Владивосток*, 3 марта. *В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов. Материалы к творческой биографии: Научное издание: В 3-х т.* (2015): Т. 1, Проза: в 2-х ч., Благовещенск: Изд-во АмГУ, с. 166–171.
- ЗАБИЯКО, А. А. (2004): *Синэстезия: метаморфозы художественной образности*. Благовещенск: Амурский гос. ун-т.
- ЗАБИЯКО, А. А. (2015): Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов. In: Забияко А. П., Забияко А. А., Левашко С. С., Хисамутдинов А. А.: *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*. Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015, с. 163–167.
- ЗАБИЯКО, А. А. (2016): *Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина*. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН.
- ЗАБИЯКО, А. А., ВАН ЮЙЦИ (2022): Образ восприятия японцев и Японии в до-революционном опыте художественной рефлексии: жанрологический аспект. *Гуманитарный вектор*, Т. 17, № 1, с. 19–28.
- ЗАБИЯКО, А. А., ЗАБИЯКО, А. П., ЧЖАН ЖУЯН (2020): Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских. *Проблемы Дальнего Востока*, 2020, № 5, с. 135–151.
- ЗАБИЯКО, А. А., ЗЕМЛЯНСКАЯ, К. А. (2021): «Рассказы о Востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода. *Гуманитарный вектор*, 2021, Т. 16, № 4, с. 8–17.
- ЗАБИЯКО, А. А., СЕНИНА, Е. В. (2021): Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопоэтики. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 2021, Т. 18, № 1, с. 166–171.
- ЗАБИЯКО, А. А., СЕНИНА, Е. В. (2021): Художественный образ восприятия Китая и китайцев в русской литературе Маньчжурии 20–40-х годов XX века (на материале творчества Арсения Несмелова). *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 2021, Т. 18, № 4, с. 208–217.
- ЗАБИЯКО, А. А., ЦМЫКАЛ, О. Е. (2021): Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен). *Гуманитарный вектор*, 2021, Т. 16, № 1, с. 45–55.
- ЗАБИЯКО, А. А., ЭФЕНДИЕВА, Г. В. (2008): «Четверть века беженской судьбы...» (*Художественный мир лирики русского Харбина*): монография. Благовещенск: Изд-во АмГУ.
- ЗАБИЯКО, А. П. (2015): На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации. In: Забияко А. П., Забияко А. А., Левашко С. С., Хисамутдинов А. А. *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*. Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015, с. 3–14.
- ЗАБИЯКО, А. П. (2016): Порубежье как данность человеческого бытия. *Вопросы философии*, 2016, № 11, с. 26–36.

- ЗАБИЯКО, А. П. КОБЫЗОВ, Р. А., ПОНКРАТОВА, Л. А. (2009): *Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке*. Под ред. А. П. Забияко, Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та.
- ЗЕМЛЯНСКАЯ, К. А. (2020): Изучение религиозных обычаев и традиций нанайцев в отечественной науке (дореволюционный контекст) и опыт их систематизации в художественной этнографии Венедикта Марта. *Религиоведение*, 2022. № 4, с. 137-147.
- КИРИЛЛОВА, Е. О. (2015): *Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б. М. Юльский, Н. А. Байков, М. В. Щербаков, Е. Е. Яшинов): монография*. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т.
- ЛИ ИННАНЬ (2009): Образ Китая в русской поэзии Харбина. In: «*Русский Харбин, запечатленный в слове*», Вып. 3: сборник научных работ, посвященный 95-летию Л. Н. Андерсен. Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. Благовещенск : Изд-во АмГУ, с. 19–32.
- ЛИ МЭН (1999): Харбин – продукт колониализма. *Проблемы Дальнего Востока*, №1, с. 96–103.
- МАЯКОВСКИЙ, В. В. (1940): Прочти и катая в Париж и Китай («Собирайтесь, ребятишки...»). In: *Полное собрание сочинений: В 12 т.* Т.5. Агитстихи; Агитпоэмы; Стихи детям, 1920–1930. М.: Гос. изд-во «Худож. лит.», 1939–1949, с. 512–519.
- МИТРОПОЛЬСКИЙ, И. И. (1913): *Маленький Манза : Повесть из манджурской жизни (из эпохи рус.-яп. войны)*. М.: кн. скл. М. В. Клюкина.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1926): Игра на мясо. *Советская Сибирь*, 1926, № 117 (23 мая).
- НЕСМЕЛОВ, А. (1927) Легенда о драконе. *Сибирские огни : художествен.-лит. и науч.-публицистич. Журн.* Новосибирск : Сиб. краевое изд-во, № 3 : май – июнь. Редкол. М. Басов [и др.].
- НЕСМЕЛОВ, А. (1932): В Китае. *Азия*, 1932, № 2, с. 10.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1932): Из китайского альбома (I). *Феникс*, 1932, № 2, с. 22.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1935): Гряды. *Феникс*, 1935, № 14, с. 16.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1936): Юли-юли. *Рубеж*, 1936, № 7, с. 14.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1938): Хунхуз. *Полустанок*, 1938, с. 30.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1941): Старый знакомец (I-V). *Луч Азии*, 1941, № 4, с. 36.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1944): Нина Гранина. *Рубеж*, 1944, № 12, с. 15.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1944): Портрет Луки Паччиоли. *Рубеж*, 1944, № 7, с. 15.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1945): Сторублевка. *Луч Азии*, 1945, №1, с. 35.
- НЕСМЕЛОВ, А. И. (2006): *Собрание сочинений. Том II. Рассказы и повести. Мемуары*. Владивосток, Альманах «Рубеж», с. 660–710.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы* (2004). М.: РОССПЭН, с. 356–494.
- Рабочая Москва*, 1927, 22 марта, с. 1.
- ЦМЫКАЛ, О. Е. (2021): Религиозный аспект поэтического этнографизма Лариссы Андерсен. *Религиоведение*, 2021, № 1, с. 124–135.

ПРОФИЛИ АВТОРОВ:

Забияко Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор

Научные интересы: история культуры и литературы русской эмиграции в Китае, художественная этнография дальневосточного фронта, культура, религиозные представления малых народов Северо-Востока Азии и их отражение в литературе.

Кафедра литературы и мировой художественной культуры, Амурский государственный университет, Россия, г. Благовещенск.

<https://www.amursu.ru/scienciaci@yandex.ru>

Цмыкал Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент

Научные интересы: история культуры и литературы русской эмиграции в Китае, художественная этнография дальневосточного фронта.

Кафедра литературы и мировой художественной культуры, Амурский государственный университет, Россия, г. Благовещенск.

<https://www.amursu.ru/olgatsmykal@yandex.ru>

Zabiyako Anna Anatolyevna, Doctor of Philology, Professor
Department of Literature and World Artistic Culture
Amur State University, Russia, Blagoveshchensk.

Tsmykal Olga Evgenievna, Senior Lecturer
Department of Literature and World Artistic Culture
Amur State University, Russia, Blagoveshchensk.

JAN FOLTÝN*Česká republika, Olomouc***INTERTEXTUALITA JAKO ROMÁNOVÝ POSTUP
V ROMÁNU ОПРАВДАНИЕ*****ABSTRACT:****Intertextuality as a novel method in the novel *Opravdaniye***

The paper deals with intertextuality in a novel by Dmitry Lvovich Bykov. Based on the results of textual analysis, the author describes how quotations and allusions have an influence on ge-neration of meanings in the novel *Opravdaniye*. Examples of intertextuality are researched from the point of view of two types of model readers. First, the author demonstrates how the naive reader gains concrete impulses from intertextuality to form a semantic level, which is connected with the main character's theory about the Great Purge. Intertextuality is consequently analyzed in connection with the critical reader who forms the opposite meaning. On the basis of these results, the paper provides examples of fictional peepholes to interpret antihuman terror.

KEY WORDS:

Dmitry Lvovich Bykov – Intertextuality – *Opravdaniye* – Modern Russian Prose – the Great Purge.

Dmitrij Lvovič Bykov byl dlouhá léta znám jako básník a publicista. Změna nastala v roce 1998, kdy přišel s originálním uměleckým nápadem, který určil jeho další literární směřování. Původně však nezamýšlel, že by na základě tohoto příběhu napsal román. V předmluvě k *О-трилогии* svou postupnou cestu k prvnímu prozaickému dílu vysvětluje takto: «я множеству знакомых профессиональных писателей успел рассказать эту историю, обросшую подробностями, и даже предлагал им ее написать, поскольку сочинять

* Příspěvek vznikl za podpory MŠMT ČR udělené UP v Olomouci (IGA_FF_2022_004).

прозу тогда еще не пробоval» [Быков 2012: 5]. Obavy jeho přátel z uměleckého uchopení tohoto tématu nakonec Dmitrije Bykova přiměly k vydání románu *Оправдание* (2001), který přinesl novou uměleckou variantu výkladu stalinských represí. Autorův fikční svět tuto temnou stránku ruských dějin nezlehčuje, nýbrž v ní hledá další možné historicko-filozofické aspekty.¹ Román by bylo možné z žánrového hlediska zařadit mezi filozoficko-fantastickou reminiscenci, «игровой роман-обман» [Голынкин-Вольфсон 2003] či «анархо-коммунистическую “ересь”» [Иваницкая 2001].

Příběh románu popisuje putování Rogova, jenž je přesvědčen, že se za Velkým terorem skrýval vyšší cíl než „prosté“ odstranění politické opozice a intelligence. Na základě řady důkazů – svědectví, písemné prameny – hrdina vytváří myšlenkový konstrukt o bolševickém „filtru“, jímž sovětská společnost byla rozdělována do tří kategorií podle chování zadrženého během série výslechů. Přítomnost se v románu střídá s minulostí, fantazie s realitou, Sibiř s Moskvou. Fakta, postavy, události a prostředí jsou ambivalentní, protože čtenáře odkazují k protikladným smyslovým aspektům, které přechází od autenticity k iluzornosti románového konstruktů a naopak. Publikum si tak do poslední chvíle nemůže být jisto, zda vesnice nadlidí, kteří prošli prověrkou bez přiznání viny, skutečně existuje. Expedice po sibiřských vesnicích končí v bažině, v níž se Rogov pomalu utápí, stejně jako se utápěl v posedlosti ospravedlněním Velkého teroru.

Románová verze represí se nachází v nepřetržitěm kontaktu s realitou, protože explicitně a implicitně transformuje některá historicky podložená fakta, která se týkají Gulagu, vykonstruovaných procesů z přelomu 20. a 30. let minulého století a lidí, kteří v nápravně-pracovních táborech zahynuli během 30. let [Zubov 2014: 816–818]. V rámci fikčního světa ale vzniká groteskní historická paralela k oficiálnímu výkladu stalinských represí, neboť románový konstrukt represe interpretuje jako prověrku sovětské společnosti. Jejím hlavním úkolem tedy nebyla likvidace nepřátel státu a zabezpe-

¹ V přednášce o ruském modernismu D. L. Bykov upozorňuje, že sovětská ideologie prošla několika vývojovými etapami. Proto je podle jeho názoru nutné některá období sovětské historie přehodnotit a pochopit, že kruté represivní praktiky se netýkaly celého dvacátého století. O dvacátých letech mluví jako o velkém modernistickém projektu, díky němuž vzkvétalo sovětské umění, které zároveň ostře vystupovalo proti měšťáctví a společenským konvencím (tradice, národnostní a náboženské rozdíly, genderová nerovnost, hierarchizace společnosti), kdežto třicátá léta spojuje s represivním projektem, který tyto tendence zcela potlačil. Tzv. antimodernistický revanš nakonec nahradil relativně svobodnou uměleckou tvorbu celospolečenskou tyraní. Z toho vyplývá, že autor neusiluje o ospravedlnění sovětského projektu (z jeho hlediska to není možné), ale pouze vybízí k objektivní reflexi jeho možných pozitivních aspektů, které byly definitivně smazány terorem stalinského režimu [Быков 2014].

čení národního hospodářství (těžba nerostných surovin, výstavba infrastruktury a další), nýbrž promyšlená klasifikace občanů:

Одних выпускал – эти, значит, ни на что не сгодились. Других совал в лагерь. А третьи... про третьих разговор особый, тут мне самому не все ясно. Не время про это говорить. [Быков 2012: 31]

První dvě skupiny osob se vztahují k realitě, kdežto o poslední skupině se v historických pramenech nepíše, protože o ní neexistují žádné faktické důkazy:

Все это, Слава, был один большой фильтр, так я понимаю. И задача его была одна – отфильтровать тех, кто в случае чего и войну отразит, и страну поднимет, и мир завоюет. [Быков 2012: 35]

Tato hypotéza se opírá o fiktivní události, které připomínají skutečné soudní procesy («михайловское дело») [Быков 2012: 9], osudy ruské inteligence (zatčení I. E. Babela) a díla sovětských spisovatelů (I. E. Erenburg, J. K. Oleša). Prostřednictvím intertextuality dochází k rozšíření přímočarého pojetí Velkého teroru a ruské historie o další aspekty, jež by mohly vést, jak se domnívá hlavní hrdina Rogov, k ospravedlnění represí.

Intertextualita v románu *Оправдание* není realizována pouze prostřednictvím vztahu fikční svět – skutečný svět,² ale také citacemi jiných textů a aluzemi. V závislosti na explicitnosti a implicitnosti výchozího textu v rámci Bykovova díla rozlišujeme několik typů intertextualit:

a) Citace s explicitním názvem a implicitním obsahem výchozího díla

В Империи, как она представлялась Рогову, стояла вечная ночь. Представление это, по-видимому, сформировалось не без влияния единственной доверенной книжки, которая была у них в доме, – полярных дневников Кренкеля. [Быков 2012: 29]

V tomto případě se jedná o citaci, kdy název výchozího textu je součástí samotné struktury románu (полярные дневники Кренкеля), kdežto jeho obsah lze zrekonstruovat pouze na základě stručné textové nápovědy.

b) Citace s explicitním názvem a více či méně explicitním obsahem

² Daniela Hodrová se ve své studii, nazvané *Text mezi texty*, zabývá definicí textu. Uvádí, že tento pojem neoznačuje pouze konkrétní text, který je tvořen verbálním, syntaktickým a sémantickým aspektem a má převážně grafickou podobu, ale vztahuje se také na širší kategorie, jako je text druhu a žánru, text kultury a text světa [Hodrová 2003: 537–549]. To znamená, že také skutečný svět/realitu můžeme chápat jako jistý druh textu, který vstupuje do dynamického kontaktu s textem uměleckým. Díky prostupnosti jejich hranic dochází ke vzházení objektů skutečného světa ve zcela nových horizontech a ke generování širších významů v rámci uměleckého textu.

В очередном альманахе «Былое» сотрудник Омского краеведческого музея опубликовал очерк о местном городском сумасшедшем, чье безумие давно не вызывало сомнений, но при общей деградации личности он отличался поразительной памятью на эпизоды Серебрянного века и стихи тогдашних поэтов. Умер он в шестидесятом в местной психиатрической больнице, а до этого десять лет скитался по Омску, как юродивый [Быков 2012: 40].

Na rozdíl od předchozího typu je nyní společně s názvem výchozího textu (альманах «Былое») přítomen také jeho obsah.

c) Citace s implicitním názvem a explicitním obsahem

– Везут бревно семь коней,
 Семь не увезут – восьмого припрягут,
 Восьмого припрягут – второго не уймут,
 Второго не уймут – налево не пойдут,
 Налево не пойдут – чужого не возьмут,
 Чужого не возьмут – другого не поймут,
 Другого не поймут – дороги не примут,
 Дороги не примут – подковы не погнут,
 Подковы не погнут – шелкову не порвут...
 [Быков 2012: 100–101]

Pro poslední typ citací je příznačné, že obsah výchozího textu je přesně reprodukován a název zcela chybí.

d) Aluze s implicitním názvem a implicitním obsahem

– Да, да... Они готовят большой погром, мы уже не смогли напечатать книгу о фашистских зверствах на оккупированных территориях, уже считается, что победил один русский народ... [Быков 2012: 80]

Aluzemi je původní text transformován pouze implicitně. To znamená, že název výchozího textu v románu zcela chybí a obsah je téměř minimalizován.

Konkrétní intertextuality představují významný literární faktor, který ovlivňuje generování smyslu uměleckého díla. Vyjadřují totiž významy, které vychází ze vzájemné interakce mezi autorským záměrem, autonomií textu a estetickou recepcí. Analýzou intertextualit můžeme stanovit, které z významů se vztahují k jednotlivým účastníkům komunikačního aktu. V souvislosti se čtenářem je možné recepci díla zkoumat ze dvou hledisek: a) z pozice empirického čtenáře, b) z pozice modelového čtenáře. Na generování smyslu bude nahlíženo z pozice modelového čtenáře, který je formován samotným textem. Eco upozorňuje, že „mnoho textů usiluje o to navrhnout dva modelové čtenáře – na první neboli naivní rovině jde o to porozumět, co text říká sémanticky (naivní/sémantický čtenář – pozn. J. F.), a na druhé neboli kri-

tické rovině jde o to ocenit způsob, jakým to text říká (kritický čtenář – pozn. J. F.)“ . [Eco 2004: 64]³

V úvodu románu *Оправдание* je pomocí paralelního kompozičního principu předložen motiv represí. Vypravěč propojuje příběhy zatčených osob, jež po několika letech, kdy o nich nikdo neměl žádné informace, kontaktovaly své blízké. O Skaldinovi, Zaslavském, Babelovi a Sutorminovi se čtenář dozvídá prostřednictvím převyprávěných rozhovorů románových postav a novinového článku ve «Вечерней Москве»:⁴

А в восемьдесят девятом году Рогов прочел в «Вечерней Москве» воспоминания о Бабеле, написанные сыном журналиста-«правдивца» Козаева, благополучно пережившего и репрессии, и войну. Больше всего в этих воспоминаниях его поразила история, приключившаяся летом того же сорок восьмого – спустя восемь лет после официальной даты бабелевской смерти. [...] Раздался телефонный звонок, и мальчик узнал голос Бабеля. [Быков 2012: 21]

Fiktivní materiál vychází z autorského záměru, kdežto způsob jeho podání je v kompetenci vypravěče. Wolf Schmid tento vztah formuluje takto: «Отбор элементов и их свойств в фикциональном повествовательном произведении принадлежит нарратору. Автор вручает ему нарративный материал в виде событий, являющихся продуктом своего авторского изобретения, но сам автор отбирающей инстанцией не является». [Шмид 2003: 163]

Uvedený článek v díle nezůstává izolován, ale vstupuje do interakce s dalšími intertextualitami, čímž se otevírají nové horizonty k formování významů. Paralelním vztahem mezi povídkou o americkém vědci a besedou Rogova s Kretovem (viz výše) se vypravěč zaměřuje na podstatu represí, která podle románové verze souvisela s výchovou sovětského nadčlověka:

После одной такой истории, впрочем, Рогов не спал две ночи. Он был мальчик впечатлительный и на всю жизнь запомнил странный рассказ [...] – некий американский ученый открыл способ оживлять казненных на электри-

³ Vidíme, že oba typy modelového čtenáře jsou oslovovány odlišnými rovinami uměleckého díla – „sémantický čtenář je plánován nebo instruován verbální strategií“, která ho záměrně klame, kdežto kritický čtenář si všímá uměleckých indicií, které ho upozorňují na textové pasti [Eco 2004: 64]. Z tohoto důvodu budu v souvislosti s analýzou generování daných smyslů díla používat označení sémantická smyslová rovina, která se bude týkat sémantického/naivního čtenáře, a kritická smyslová rovina, která se bude vztahovat ke kritickému čtenáři.

⁴ Vzhledem ke komplikovanému přístupu do online archivu novin *Вечерняя Москва* jsem nemohl ověřit autenticitu románové citace. Její přítomnost v uměleckém textu podle mého názoru může souviset s memoáry Antoniny Pirožkové, která v nich uvádí, že v padesátých letech minulého století mluvila s bývalým zekem, který jí podal svědectví o tom, že Isaak Babel stále žije v jednom z kolymských táborů [Пирождкова 2011].

ческом стуле. Ему дали для эксперимента банду из шести жестоких убийц – пятерых мужчин и одну женщину. [...] Потом профессор с красивой лаборанткой, изображенной тут же на густо зачерненном рисунке тушью, производил надрезы на ступнях убитых, вставлял туда электроды, делал какую-то инъекцию, [...] Таинственный профессор отселял воскресших убийц на пустынный остров, выкупленный в личную собственность [...] На острове-то и разворачивалось самое интересное, потому что шестеро убийц – пятеро мужчин и женщина – начали среди дикой природы строить новый мир, непохожий на наш, строить по тем законам, которые открылись им в страшные три часа, когда они были уже не здесь и еще не совсем там, – и автор, восклицая: «Но какой это был страшный мир!», умолкал до следующего номера. [Быков 2012: 28]

Sémantická smyslová rovina článku o Babelovi se v kontextu daných citací konkretizuje, protože fiktivně-skutečnou postavu zařazuje do skupiny sovětských nadlidí, kteří se nestali oběťmi represí. Tím je dosaženo toho, že fikční svět se čím dál více rozchází s tím skutečným, protože otevřeně popírá oficiální fakta o Babelově úmrtí [Zubov 2014: 796]. Lze předpokládat, že daný postup může ovlivnit naivního čtenáře a přesvědčit ho o věrohodnosti myšlenkového konstruktů. Zároveň je možné na základě odlišností mezi uměleckým textem a textem světa pozorovat, jak samotný text nezávisle na svém autorovi pokládá svému publiku otázky a nutí ho přehodnotit vlastní pojetí historie, tj. pomáhá mu oprostít se od zkreslujících tezí a nazírat tak na věci otevřeně a nezaujatě. Tento rozhovor podle Hanse-Georga Gadamera vychází z řečové podstaty díla a „uskutečňuje onu komunikaci smyslu“ [Gadamer 2010: 318–319]. Ve vzájemné komunikaci mezi daným článkem a historií figuruje další faktor, který se nachází na pomezí obou světů. Souvisí s přímým svědectvím bývalého vězně (viz výše).

Promyšleným systémem citací a aluzí je dále rozvíjena fiktivní interpretace represí. Nepřímou charakteristiku Impéria, jež systematicky filtrovalo sovětskou společnost, poskytují «полярные дневники Кренкеля» (viz výše). Odkazem ke skutečným písemným pramenům se propojuje fiktivní příběh s kulturní tradicí, jež omezuje Rogovovo vnímání světa. Není náhoda, že v rámci historie jsou zpracovány právě tyto zdroje. Podněcují zájem naivního čtenáře o vyprávěnou historii a zároveň kritickému čtenáři zanechávají estetické indicie k odhalení kritické smyslové roviny.

Podstatný vliv na dynamiku fiktivního příběhu mají tyto verše:

– Дуют четыре ветра, волнуются семь морей... – ...все неизменно в мире, кроме души моей, – закончил Рогов, сразу все поняв. [Быков 2012: 39]

Významnou roli v díle zaujímají díky tomu, že se několikrát opakují. Nejdříve zasahují do příběhu o Sutorminovi, následně o nich vypráví Kretov a nako-

nes je pronáší Rogov. Proto v daném případě platí: «Чем “определеннее” контекст, тем сильнее уменьшается многозначность данного слова и тем более определенный вид приобретает его значение» [Ингарден 1962: 69]. Podrobíme-li analýze všechny kontexty, v nichž verše figurují, zjistíme, že se v každé situaci setkáváme s jinou úrovní konkrétnosti – zdánlivě bezvýznamné verše, tajné heslo nadlidí, potenciální důkaz o existenci jejich vesnice. Proces generování významů je složitý, protože se odvíjí od vzájemného vztahu několika faktorů. Autorský záměr a autonomie textu produkují určité schéma, jež můžeme označit za „nedokonalé“. Ingarden mluví o tzv. smyslových mezerách (пробелы между смысловыми единицами), které samotný čtenář doplňuje o konkrétní významy [Ингарден 1962: 69]. Jinak řečeno, text je do určitého bodu polysémantický organismus s potenciálními významy, jehož mnohoznačnost je významně redukována recepcí čtenáře, který tak proniká ke skutečné podstatě věci.

Hlavní hrdina analogickým způsobem interpretuje „historická“ fakta. Kretovem podtržená slova «чистое» v nadpisech novinových článků «Чистое сердце наставника» a «Чистое небо над Анголой» [Быков 2012: 45] explicitně nevypovídají o existenci sibiřské vesnice nadlidí. Tento význam jim přisuzuje Rogov, který v sovětském autoatlasu nachází v Omské oblasti tři vesnice s tímto názvem. Z hlediska vyprávění bylo nutné, aby byl daný význam konkretizován v samotné struktuře textu, protože díky němu je možné příběh přesunout na Sibiř, kde Rogov pokračuje ve verifikaci vlastní teorie. V závislosti na kulturním prostředí a epoše pak čtenář tyto významy může akceptovat, blíže je konkretizovat či zcela transformovat.

Jakmile myšlenkový konstrukt získává konkrétní podobu, vypravěč vstupuje do Rogovovy fantazie, kde popisuje zrekonstruovaný příběh Immanuila Zaslavského. Tato postava patří k obyvatelům sibiřské vesnice, kteří nepřiznali svou vinu. Rogov se na pozadí této historie utvrzuje v možnosti ospravedlnění represí. Na základě paralely ke středověkému textu «Молото ведьм» dokazuje, že také předchozí generace využívaly mučení ke společenské „očistě“:

[...], а ведьм очищали для будущей жизни, совсем другой коленкор. Проверялась-то как он понял довольно скоро после прибытия в Чистое и отрывочных разговоров с товарищами по участи, вовсе не способность терпеть боль; проверялась способность стоять на своем в заведомо безнадежной ситуации, без смысла, без надежды – ради своей правоты, до которой, в конце концов, никому не было дела. [Быков 2012: 49–50]

Je zřejmé, že tato kontroverzní historická interpretace je z hlediska fiktivního příběhu důležitá. Záměrně je však její výpovědní hodnota snižována, protože se objevuje v rámci fantazijní představy hlavního hrdiny.

Zaměříme-li se na způsob vyprávění této rekonstrukce, zjistíme, že příběh je vyprávěn prizmatem dvou vypravěčů. Nejdříve je to Rogov a následně vševědoucí a všudypřítomný vypravěč. Také verše z balady *Вересковый мед* Roberta Stevensona (překlad Samuil Maršak) vytváří paralelu k represím, čímž románovou verzi doplňují o další aspekty:

Мальчику жизни не жалко, гибель ему нипочем, мне продавать свою совесть
совестно будет при нем. [Быков 2012: 56]

Immanuel si je vybavuje při vzpomínce na svou lásku z dětství.⁵ Přemýšlí, zda jí hrozí nebezpečí a zda se filtr opravdu vztahuje na celou sovětskou společnost. Vzápětí si vzpomíná na dětský tábor, o kterém se doslechl během války. V souvislosti s ním ho napadají citované verše ze skotské balady, jejíž děj koresponduje s Rogovovou představou o podstatě represí. V obou případech je naznačováno, že ve společnosti koexistují silná a slabá individua. První skupinu v baladě zastupuje otec (muž), který nechává utopit svého syna (dítě), aby uchránil národní tajemství o výrobě piva. Sovětský svaz však pokročil dále, protože věří, že prověrkou mohou projít také některé děti a ženy. Transformace Stevensonova díla tak generuje další významy Rogovovy teorie:

Дети, взятые в тридцать восьмом, [...], в сорок первом творили чудеса – семнадцатилетний Матросов, арестованный как раз тогда, сделался легендой, хотя о том, что его сажали, нигде не упоминалось; естественная вещь. [Быков 2012: 56]

Ve čtvrté kapitole se vyprávění odehrává v jiném románovém prostoru – na Sibiři. Rogov se na základě Kretovova klíče vydává do prvního Čistého, kde potkává mladou dívku a několik starců. Očekáváme-li, že intertextualita zde bude sehrávat stejnou roli jako v předchozích kapitolách, tj. konkretizovat významy týkající se represí, zjistíme, že tomu tak zcela není. Generuje významy, jež se vztahují k jinému motivu:

Здесь же были покой и тихий внутренний лад, заставляющий, однако, подозревать, что это не столько гармония, сколько намеренная деградация, медленное превращение в растение, в дерево, в собственную избу. Язык тут был

⁵ Dětskou láskou Immanuila je fiktivní postava Ira, která se v románu objevuje v několika časových a prostorových rovinách. Nejdříve vystupuje ve fikčním světě, kde jako stařena vypráví Rogovi příběh o Immanuelovi. Začíná tím, že popisuje okolnosti jeho náhlého zmizení ve 30. letech 20. století, kdy oba byli ještě dětmi, a končí tím, že přibližuje jejich nečekané a krátké shledání v osmačtyřicátém roce. Poté Ira figuruje v Rogovově fantazii během rekonstrukce Immanuelova příběhu.

не нужен, и его забыли за ненужностью, заместили глухотой и тишиной... [Быков 2012: 65]

Výrazná absence citací a aluzí podtrhuje atmosféru tohoto prostředí. Přestože si je Rogov jistý, že tito lidé nemohou být těmi, jež hledal, vnitřní hlas mu napovídá, že objevil vyšší princip lidské existence – novou evoluční linii:

Понимал он и то, что люди, которых он искал, живут не здесь. [...] Может быть, он и встретил чудо – новую ступень в эволюции человека на обратном его пути к бессловной твари, – но это было не то чудо, которое он искал. [Быков 2012: 69]

Rogov při svém odchodu z vesnice odkazuje k části z *Janova evangelia* (Jan 14, 1–3), když dívka slibuje, že se vrátí:

– В общем, я уйду, – сказал он твердо. – Я еще вернусь, конечно. – Он лично знал, что не вернется, но от этих несчастных нельзя было уйти просто так, не поблагодарив, не оставив надежды. Может быть, они ждали кого-то вроде него, как ждут Мессию... [Быков 2012: 70]

I když tato intertextualita tematicky nezapadá do myšlenkového konstruktů hlavního hrdiny, přesto s ním neustále komunikuje. Rozdíl ale spočívá v tom, že namísto konkretizace, k čemuž docházelo výše, nyní jeho významu navrácí mnohoznačnost, ubírá mu na přímočarosti. Rogov se totiž poprvé v románovém vyprávění setkává s fakty, jež nepotvrzují jeho teorii, což ztěžuje proces sémantické interpretace.

Druhá rekonstrukce, jež je věnována osudu Isaaka Babela, se opět odehrává v Rogovově fantazii. Příběh o sovětském spisovateli zahrnuje několik aluzí, jež odkazují k literárním dílům, tématům a autorům. Z vyprávění vyplývá, že se Babel po návratu do Moskvy schází s přáteli z literárního prostředí. Nejříve kontaktuje Kozajeva, kterému píše dopis:

Милый друг мой, – писал он, ставя по неискоренимой привычке «мой» после «друг», вообще любя постпозитивы, – милый друг мой, пишу коротко, вы поймете. [...] Я был на работе, трудной и сопряженной с опасностью. Не все можно рассказать. Будет время, и мы обо всем поговорим, как раньше. Мы тогда спорили с вами, есть ли замысел во всем, что происходит. [...] Мне кажется, что он есть, и потому не удивляйтесь, если и вас коснется судьба. [Быков 2012: 72]

Přestože dopis imituje Babelův styl, nesmíme zapomínat na skutečnost, že jsme stále konfrontováni s myšlenkami hlavního hrdiny. Výše jsem upozornil na to, že intertextualita, jež je součástí první expedice, deformuje sémantickou rovinu Rogovovy teorie. Naopak Babelův dopis slouží k tomu, aby naivního čtenáře chytil do textových pastí. Také textová soudržnost generuje jis-

té významy, jež tento typ modelového čtenáře nemusí vůbec zaregistrovat. Jsou to především významy, které skrytě predikují protikladný smysl represí na základě psychického stavu hlavní postavy a písemných pramenů, s nimiž pracuje.

Později se Babel setkává s I. Erenburgem a J. Olešou. Jejich debaty jsou pro dílo významné jak z literárního hlediska, tak také z toho interpretačního, protože představují aluze na díla obou spisovatelů:

– Да, да... Они готовят большой погром, мы уже не смогли напечатать книгу о фашистских зверствах на оккупированных территориях, уже считается, что победил один русский народ... [Быков 2012: 80] (*Чёрная книга* – rozp. J. F.)

Зачем писать романы? Это мертвый жанр, жанр детства человечества. Посмотрите, все уменьшается, стремится к миниатюре. [...] Литература сведется к рассказу, а рассказ – к слову, знаку. Пишите свои отрывки, составьте из них книгу, и это будет книга вашей жизни. [Быков 2012: 84] (*Ни дня без строчки* – rozp. J. F.)

Domnívám se, že těmito intertextualitami pokračuje autorova a vypravěčova hra se čtenářem, protože na základě reflexe ruské literatury probíhá implicitní ztotožnění hlavního hrdiny s Dmitrijem Bykovem. Toto tvrzení potvrzuje stať *Гость из будущего*, jež byla publikována v *Советской литературе*:

Олеша – писатель будущего. Века этак XXII, если тогда еще будут литераторы. Литераторы будущего станут писать мало и емко, потому что тенденция к экономной передаче действительно важной информации – одна из ведущих в человеческой истории. Малозначительное учатся размазывать на гигабайты, на тысячи страниц, а главное сообщают все лаконичнее. [...] Олеша написал один выдающийся роман, [...] и одну книгу небывалого жанра, им изобретенного, – книгу дневников о том, как он не может заниматься литературой. [Быков 2015: 121–122]

Ačkoliv Rogov v daném kontextu vystupuje v roli alter ega samotného autora, jednoznačně to neznamená, že se uvedené intertextuality omezují pouze na tento význam. V jiných kontextech se daný smysl v závislosti na způsobu estetické recepcce transformuje. Záleží na tom, jaký typ čtenáře s dílem pracuje. A právě naivní čtenář ochotně padá do pastí vypravěče [Eco 2004: 64], jehož rafinovanost může být osvětlena až v závěru románu. O rozdílnosti autora a hrdiny⁶ vypovídá také přednáška Dmitrije Bykova, v níž se věnuje analyzovanému románu:

⁶ Nutno si uvědomit, že autorovo vymezení se vůči hlavní postavě není explicitně vyjádřeno v rámci románu *Оправдание*, nýbrž přichází jako hlas zvenčí, který může zatěžovat prožitek estetické recepcce.

И вот этот мой герой, Рогов, который и пытается оправдать этот проект, найти в нём разумное зерно и таким образом выстроить логику террора, был для меня таким саморазоблачением. Поэтому не случайно многие критики, ругавшие роман (а хваливших его тогда не было), как раз и писали, что Быков и Рогов — это явно такой некий смысловой консонанс. Конечно, переключка тут прямая, конечно, Рогов — это я, но с той только разницей, что Рогов безумен, он душевно болен, а я от этого безумия себя удержал.

[...]

Я, конечно, советского проекта не оправдываю ни в какой степени, потому что как только ты начинаешь искать логику в терроре, ты немедленно становишься на сторону террора. [Быков 2017]

Na fantazijní příběh o Babelovi navazuje expedice do další vesnice. Na rozdíl od první vesnice je toto vyprávění prostoupeno strachem a nejistotou. Tuto atmosféru umocňují verše Ťutčeva «И бездна нам обнажена» [Быков 2012: 90], které si Rogov vybavuje v souvislosti se stmíváním. Tato intertextualita naivnímu čtenáři slibuje blízké odhalení skrytých aspektů Rogovova konstruktů. Zanedlouho totiž Rogov potkává skupinu lidí, kteří ho násilím odvádí do vesnice, kde dochází k poslední konkretizaci veršů «Дуют четыре ветра...», které v momentě rozuzlení myšlenkového konstruktů vystupují v pozici potenciálního důkazu:

— «Дуют четыре ветра, волнуются семь морей, — продекларировал он, решив выкладывать все. — Все неизменно в мире, кроме души моей». Старик приподнял бровь, но ничего похожего на узнавание Рогова не заметил на его белом лице. [Быков 2012: 96]

Vzhledem k tomu, jak velitel osady reaguje na tajné heslo, které Rogovovi předal Kretov, probíhá v rovině daných veršů neutralizace dosavadních významů. Z hlediska smyslu je možné tvrdit, že vše, co do této chvíle naivní čtenář považoval za srozumitelné a jednoznačné, vychází ze záměru vypravěče. Wolf Schmid tuto intenci vysvětluje následovně: «Производя свой отбор, нарратор как бы пролагает сквозь нарративный материал смысловую линию, которая выделяет одни элементы и оставляет другие в стороне» [Шмид 2003: 164]. Vypravěč tedy zprostředkovává celou historii tak, aby svého posluchače dovedl ke konkrétnímu cíli.

Je zajímavé, že navzdory dalšímu neúspěchu na cestě k ospravedlnění represí vypravěč Rogova neopouští, i když zná všechny objasňující informace, a pokračuje s ním v jeho pátrání po relevantních důkazech. Tuto falešnou stopu totiž okamžitě zastírá jiná, která působí autenticky. Čtenář se prostřednictvím Rogova stává přímým svědkem nevysvětlitelného chování místních lidí, kteří svůj život podřizují přísnému a absurdnímu zákonu:

— Собратья, — тихо и скрипуче выговорил Константин. — Сегодня мы в первый раз казним двух новопосвящаемых, Алексея и Елисея, удушаем сестру нашу Анну, предавшую нас, и в последний раз прощаемся с братом нашим Петром, превысившим меру терпения нашего. [...] Страшное возбуждение владело им (Рогов — rozp. J. F.), и только одно оправдание могло быть у этого возбуждения: он так до конца и не верил в реальность происходящего. [...] — Новопосвящаемый брат наш Алексей! — возгласил Андрон. — Преступление: выбросил окурок между полуднем и первым часом полудни. Наказание через отрубление. — Пу... пу... пустите меня, я передумал, — очень тихо сказал Алексей. [...] — Молод. — Константин пощрительно улыбнулся. — Молод, но перспектив не лишен. Ничего, еще обучится, — пальцев много. Приступаем, брат свинарь. Двое, державшие брата Алексея, с силой подтащили его к плахе и положили на нее левую руку новоказнимого. Алексей завизжал, как резаная свинья. Мenee всего Рогов мог представить себе, что сам он станет делать в подобной ситуации, которая запросто могла ему предстоять уже на следующий день... Кругом был девяносто шестой год, август, Восточная Сибирь — и тем не менее свинарь размахнулся, с радостным хэканьем опустил топор, визг Алексея оборвался, и мгновение спустя что-то тяжело шлепнулось на помост. Пров тут же подскочил к упавшему предмету, поднял его и показал толпе: Рогов понял, что имел в виду Павел, говоря о казни «палец». [Быков 2012: 117–118]

Soudní proces a sadismus je možné považovat za zhmotněnou analogii k myšlenkovému konstruktovi Rogova. V tomto kontextu se smysl dosud uvede-ných intertextualit a předchozích událostí neustále pohybuje od autenticity k fantazii a naopak, což na straně naivního čtenáře může vyvolat stav bez-mocnosti a pocit dezorientace v systému smyslových indicií. Naproti tomu kritický čtenář v této části románu získává další podněty k interpretaci kritické smyslové roviny, která postupně překračuje hranice latentního prostoru. To se také vztahuje na závěr analyzované kapitoly, kdy se Rogov od místní dívky dozvídá pravdu o vesnici:

— Ой, чудак ты человек! — залилась она. — Ой, новый, да когда ж ты въедешь-то! Ты что ж думаешь, тут руки рубят! Тут пальцы-то не всякий день рубят. Инвалиды сюда ездят, вот и всё. Им среди наших увечных проще, они не такими убогими себя чувствуют, вся недолга. Нешто тут человек бы выжил, без больницы-то, если бы ему руку отрубить? Это из омского общества инвалидов, их много у нас... Богатые есть. Ты склады наши видел, тушенку ел? Чтоб к Константину попасть, большие деньги платят, еду привозят. Где еще такого повидеешь, чтобы живую бабу душили? — Она засмеялась. — Есть любители, есть... [Быков 2012: 130]

I když Rogov prožívá další neúspěch, své pátrání nevzdává a ponořuje se zpátky do fantazie, kde rekonstruuje příběh svého dědečka Skaldina. Zhod-

notíme-li zpětně kompoziční výstavbu románu, najdeme v ní vypravěčovu tendenci k opakování určitých událostí (rekonstrukce 1, první vesnice, rekonstrukce 2, druhá vesnice, rekonstrukce 3), které ve vztahu k smyslu díla plní funkci dvojího typu. V případě rekonstrukcí se jedná o potvrzení Rogovovy teorie, kdežto v případě expedicí o její vyvracení. Proto se v rekonstrukcích čteněji objevují citace a aluze jako konkretizující prvek. Tento postup hraje významnou roli také v historii o Skaldinovi. Během návratu do Moskvy mluví s duševně nemocným člověkem, který chápe podstatu represí, aniž by prošel stalinskou prověrkou:

Псих был единственным человеком в поезде, который не вызывал у него отвращения, — и, если вдуматься, не такой уж он был псих.

— Ножками, ножками по снегу чаще. Надо сознательно искать холодное и плохое, не богатству учиться, а бедности. Все у себя отними, и ты будешь господин. Понятно говорю? [Быков 2012: 137]

Označená intertextualita parafrázuje úryvek z *Matoušova evangelia* (Mt 19, 21), čímž dochází ke shrnutí podstaty represí na základě paralely k biblickému textu, protože represe podle Rogova představují nástroj, díky němuž obyvatelé Čistého zpřetrhali veškeré vazby se světským životem, stejně jak Ježíš pravil mladíkovi, aby se vzdal veškerého majetku a následoval ho. Vzpomeňme si, že výše se Rogov opíral převážně o fantaskní příběhy a svědectví nedůvěryhodných svědků. Nyní je doplňuje o nový typ textu, což adresátovi nabízí další podněty k interpretaci díla. Charakteristiku nadlidí dále rozvíjí fráze mystika Porfirije Ivanova: «Холод — это наша есть жизнь» [Быков 2012: 138]. Konečnou odpověď na otázku, proč se Zaslavskij, Babel a Skaldin nedokázali reintegrovat do sovětské společnosti, poskytují v závěru rekonstrukce verše Věry Inberové. Báseň *Сын, которого нет* do vyprávění vstupuje prostřednictvím matky, která ji recituje svému synovi:

Ночь идет на мягких лапах,
Дышит, как медведь,
Мальчик создан, чтобы плакать,
Мама — чтобы петь. [Быков 2012: 140]

Skaldin na verše reaguje nepřičetně, protože si uvědomuje, že zkreslují realitu a že výsledek této výchovy dítěti znesnadní celý život:

Что вы делаете, чему вы учите детей! Ведь этим детям убивать, этим детям умирать. [...] Вы не должны учить его всему тому, что потом придется сдирать, как кожу! [Быков 2012: 141]

Tento dialog demonsturuje, že fiktivní fantazie má dvě podoby. Každodenní realita se týká většiny občanů Sovětského svazu, kdežto její protiklad — „vyš-

ší“ realita – se týká Skaldina, Zaslavského, Babela, Sutormina a dalších, kteří odkryli hlubší podstatu života. Proto Skaldin nemůže pochopit, proč matka svému dítěti raději nečte poému *Пулковский меридиан* [Быков 2012: 141], která přesněji vypovídá o budoucím životě jejího syna. Za těchto okolností Skaldin, jak Rogov předpokládá, opustil Moskvu, aniž by se setkal s ženou a dcerou. Skaldinův osud tak zůstává nedořečený:

Стал военным, нашел Грохотова, после разоблачения культа попал в армию инструктором? Или уехал к сумасшедшему в Чувылкино и помогал ему проповедовать, что холод – это наша есть жизнь? Или вернулся в Чистое вместе со всеми и создал с ними новую коммуны – без принуждения, на добровольных началах, – где все они вместе поддерживали форму на случай, если завтра война? [Быков 2012: 142]

Z vyprávění je patrné, že hlavní hrdina vykazuje známky vnitřní rozpolcenosti, což se manifestuje tím, že balancuje mezi dvěma protikladnými světy, přičemž lze pozorovat, že k životu výjimečných vězňů cítí hluboké sympatie. Proto na základě zpochybnitelných vodítek popírá převážnou část historické skutečnosti. Jeho fanatické přesvědčení o své pravdě v průběhu celého vyprávění nenápadně graduje. Nezastavují ho ani setkání se zvláštními obyvateli dvou vesnic – s mírumilovnými, málomluvnými, vyrovanými starci a dívkou, kteří symbolizují novou evoluční větev, a s lidmi, kteří se s vlastní složitou životní situací vyrovnávají cestou sezónního života v odlehlých sibiřských končinách a inscenacemi soudních procesů a mučením. Právě zmíněné textové impulzy, které jsou výrazně identifikovatelné v sémantické smyslové rovině, paralelně rozvíjí také tu kritickou, která se stává plně čitelná až při návštěvě poslední vesnice. Proto je možné konstatovat, že v závěru románu se smysl, generovaný subjektivním a tezemi zatíženým výkladem represí, neutralizuje, tj. ztrácí dominantní postavení v rámci systému díla. Čtenář je tak záměrně konfrontován se spektrem potenciálních smyslů (ideologická oprávněnost represí, amorálnost historické interpretace, duševní krize hlavní postavy a další), které interpretuje na základě kulturní tradice, čtenářských kompetencí, kontextu doby atd. Prostor ke svobodné interpretaci vytváří vypravěč, když pronáší:

И, счастливо хохоча, он шагнул на поляну; сперва шагнул, потом побежал, побежал, побежал – и не понял, как очутился по грудь в ледяной жиже, засасыпавшей его глубже и глубже. Просто цветы оказались вдруг у самого лица, а потом холод стал подниматься по ногам.

[...]

То живое и теплое, что одно только и было Роговым, отличая его от ледяного и замкнутого мира вокруг, погружалось в бездну, в царство бешеного

и безумного роста, в пространство распада, где не было мысли, совести, памяти – ничего. То человеческое, что он мечтал преодолеть, – преодолевалось наконец. И некого было звать на помощь, потому что проваливался он в себя, в собственное оправдание проверок, смертей, мясорубок, в собственное признание их великого тайного смысла. Смысл был здесь, под ним и вокруг, – все, что он принял и оправдал, поглотило его. [Быков 2012: 143–144]

Analýza intertextualit osvětlila autorovy postupy, jimiž rozvíjí smyslové roviny, které v románu vystupují v pozici implikovaných indicií k historicko-filozofické interpretaci fikčního světa. Tyto nápovědy, jež otevírají různé úhly pohledu, promlouvají k modelovému čtenáři (tj. k naivnímu i kritickému). Konkrétní adresát se v průběhu recepcce díla rozvrhuje do určité interpretační cesty. Jestliže se vydává po sémantické textové rovině, proniká do myšlenkového světa hlavního hrdiny. V případě novinového článku (*Вечерняя Москва*) dochází k předání významu týkajícího se zadržovaných osob, jež se nikdy nevrátily domů, přestože existovala řada důkazů o tom, že v nápravně-pracovních táborech nezemřely. Jejich osud ve fiktivním vyprávění zatím zůstává nedořečený. Částečně se konkretizuje až v kontextu následující citace (povídka o americkém vědci), která je paralelou k podstatě represí, protože popisuje příběh vězňů, kteří se po překonání vlastní smrti stali nadlidmi. Publiku je tímto postupem metaforicky naznačováno, že v Sovětském svazu existovala skupina vězňů (*Skaldin, Babel, Zaslavskij, Sutormin*), již prošli výslechy, aniž by přiznali spoluúčast na jakékoli protistátní činnosti. Temnou atmosféru tohoto Impéria dále vykresluje citace Rogovovy knížky z dětství (*полярные дневники Кренкеля*). Upřesnění daného konstruktů pokračuje prostřednictvím veršů «Дуют четыре ветра...», které symbolizují tajné heslo sovětské elity, a také prostřednictvím podtrženého slova (*чистое*) v novinových člancích, jež referuje o sibiřské vesnici. Z toho vyplývá, že na základě interakce uvedených textů naivní čtenář vstupuje do následujícího smyslového prostoru: Impérium využívalo represe jako filtr sovětské společnosti s cílem zformovat jednotky „nadlidí“, na něž by se v případě válečného konfliktu mohlo spolehnout; tato individua žila v izolaci od zbylé části populace v sibiřské vesnici (*Чистое*). Rekonstrukčními kapitolami naivní čtenář proniká hlouběji do jádra této smyslové roviny, protože se setkává s dalšími aspekty Rogovova konstruktů. Středověký text (*Молото ведьм*) objasňuje důvod mučení, který souvisel s duševní průpravou výjimečných vězňů na budoucí život. Verše Roberta Stevensona upřesňují rozsah represí. Babelův dopis potvrzuje jejich skutečný smysl a texty Erenburga a Oleši staví hlavní postavu do role autorova alter ega. Verše Věry Inberové nakonec vysvětlují, co zabránilo obyvatelům Čistého k plnohodnotnému návratu do sovětské společnosti.

Paralelně se sémantickou rovinou jsou generovány také významy, které souvisí s rovinou kritickou, přičemž některé z intertextualit se účastní obou procesů. V souvislosti s tímto tvrzením je nutné, aby k intertextualitám bylo přistupováno jako k ambivalentním součástem textu, protože paralelně rozvíjí obě smyslové roviny, jejichž interakcí vznikají další variace významů. Kritický čtenář totiž nepracuje pouze s konkrétními významy, které dekoduje opačný typ adresáta, ale orientuje se především na významy, které vypovídají o iluzornosti Rogovovy teorie. Jedná se o skryté impulzy, jež naznačují, že prameny, které formují konstrukt hlavního hrdiny, nejsou z hlediska historické rekonstrukce svou podstatou, časově a tematicky relevantní. Článek o Babelovi (Вечерняя Москва) sice referuje o represích, ale v podstatě se jedná o subjektivně podané svědectví prizmatem malého dítěte. Přestože stalinské čistky získávají v kontextu povídky o americkém vědci jistý smysl, tento typ dokumentu však není možné akceptovat v roli důkazního materiálu, protože se jedná o fantastní příběh. Stejně měřítko se vztahuje na Krenkelovy deníky, které se netýkají společenské atmosféry v Sovětském svazu. Také verše «Дуют четыре ветра...» v textu explicitně nefigurují v pozici tajemného hesla nadlidí, tento význam generují myšlenkové operace Rogova. Analogicky lze hodnotit podtržená slova (чистое) v nadpisech novinových článků a další intertextuality. Z toho vyplývá, že citace, aluze a kontexty, v nichž dané intertextuality figurují, skrývají potenciál k rozuzlení principu, na jehož základě se rozehrává a realizuje autorova a vypravěčova hra se čtenářem. Otevírá se tak kritická smyslová rovina, která může vypadat následovně: Rogovovo ospravedlnění represí je nemožné z důvodu jeho bohaté představitivosti, díky níž dává do souvislostí neslučitelná fakta, také z důvodu kulturní tradice, která negativně ovlivňuje jeho vnímání světa, a kvůli nedůvěryhodným interpretačním pramenům, jež mají velmi nízkou výpovědní hodnotu o daném tématu. Z tohoto konstruktů se nakonec stává iluze, výsměch nad kýmkoli, kdo se domnívá, že jedno z nejkrvavějších období lidských dějin je možné ospravedlnit.

Ve fikčním světě románu *Оправдание* se kříží geografické, časové a narativní roviny, které na textové úrovni navozují představu ambivalentnosti. Díky ní se v rámci fikce střetává idealizovaná interpretace stalinského teroru se skutečnými hrůzami sedmatřicátého roku. Spektrum fiktivních průzorů do nelidského děsu tak prostředkuje jeho individuální a kolektivní dopady na ruskou společnost konce 20. století, hrůznou otupělost vůči sadismu a výstrahu před nebezpečím z ideologického ospravedlnění represí.

LITERATURA:

- БЫКОВ, Д. (2012): *Оправдание: роман; Орфография: Опера в трех действиях; Остроумов, или Ученик чародея: Пособие по левитации*. Москва: ПРОЗАиК.
- БЫКОВ, Д. (2014): *Модерн*. (1. 3. 2022), dostupné z: <https://1url.cz/5rHZI>
- БЫКОВ, Д. (2015): *Советская литература: Расширенный курс*. Москва: ПРО-ЗАиК.
- БЫКОВ, Д. (2017): *Финальная лекция проекта «Сто лет – сто лекций»*. (8. 3. 2022), dostupné z: <https://1url.cz/mrHZv>
- ГОЛЫНКО-ВОЛЬФОН, Д. (2003): Империя сытых анархистов: («Правая мысль» и «левая идея» в современной русской прозе). *НЛО*, 2003, č. 6, (7. 2. 2022), dostupné z: <https://1url.cz/CrHZ5>
- ИВАНИЦКАЯ, Е. (2001): Преступление и оправдание. *Дружба Народов*, 2001, č. 7, (7. 2. 2022), dostupné z: <https://1url.cz/OrHZb>
- ИНГАРДЕН, Р. (1962): *Исследования по эстетике*. Москва: Издательство иностранной литературы.
- ПИРОЖКОВА, А. (2011): Воспоминания: Окончание. *Октябрь*, 2011, č. 12, (15. 2. 2022), dostupné z: <https://1url.cz/rHZZP>
- ШМИД, В. (2003): *Нарратология*. Москва: Языки славянской культуры. (15. 2. 2022), dostupné z: <https://1url.cz/zrHZc>
- ЕСО, U. (2004): *Meze interpretace*. Praha: Karolinum.
- GADAMER, H.-G. (2010): *Pravda a metoda I*. Praha: Triáda.
- НОДРОВÁ, D. (2003): Text mezi texty. *Česká literatura*. 2003, 51(5), s. 537–549. (12. 3. 2022), dostupné z: <https://1url.cz/SrHYt>
- ZUBOV, A. (2014): *Dějiny Ruska 20. století – díl I 1894–1939*. Praha: Argo.

PROFÍL AUTORA:

Jan Foltýn, Mgr.
student doktorského studijního programu Ruská literatura
Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta, katedra slavistiky
Křížkovského 10
779 00 Olomouc
Česká republika
jan.foltyn01@upol.cz
<https://www.ff.upol.cz/ksl/>

АЛЕКСАНДРА ТІХВОНЁВА*Словакія, Пряшів***ЯЗЫКОВЫЙ ВОПРОС РУСИНІВ В ПЕРІОДІ
ЖЫВОТА І ДІЯТЕЛЬНОСТІ А. БАЧІНСЬКОГО****ABSTRACT:****The language issue of the Rusyns in the context of the epoch of life****A. Bacinsky**

Fragments of the language question of the Rusyns in the territory of Austria-Hungary empire at the end of the 18th and the beginning of the 19th century with a focus on the personality of bishop Andrej Bačinsky. In this thesis we will work with the issue of the rusyn language at the end of the 18th century and at the beginning of the 19th century in the historical county of Ung. At the same time, we will try to interpret the historical context of the time in relation to the geographical area inhabited by the Rusyns at that time. We will focus on the personality of bishop Andrej Bačinsky and his contribution to the ruthenian nation, language and culture.

KEY WORDS:

Bishop – Andrej Bačinsky – language situation – ruthenian language.

Увод

На наслідуючих сторінках будеме розоберати языковий вопрос Русинів на концу 18. ст а зачатком 19.ст на території Угорьска, конкретні в тогочаснім комітеті Унг. Найвызначнійший представитель тогочасной русиньской інтелігенції був єпіскоп Мукачевской єпархії Андрій Бачінський, котрый ся інтересовав о народностны, язковы, а так само ай культурны вопросы Русинів в тім часі. Інтересны про нашу роботу будуть

ай історичны події, котры ся односять ку языковой проблематиці Русинів на концю 18. ст а зачатком 19.ст на території Угорьска.

Офіціално ся зачала назва Підкарпатська Русь хосновати в р. 1919, кідь ся сформовала перша Чехословацька республіка. Як знаєме до р. 1919 была назва Підкарпатська Русь неофіціалнов назвов, котра ся хосновала в Угорьску. На зачатку 18. ст. была сітуація в Угорьску іншака. Хоць материньскы языки народів, котры жыли в Угорьску были мадярьскый, німецькый а славянськый (ту рахуєме ай язык русинськый), язык, котрый ся хосновал в офіціалных сферах бив латинськый, або нескорше німецькый, так само і в школах (люде у неофіціалных сферах меджі собов бісїдовали у своїм родным языку надале). В школьскым процесї бив латинськый язык пріорітний предмет. Материньскы языки ся в школї хосновали лем як помочны языки. Што было про просты русиньскы діти в тім часї горше, бив факт, же до школы могли ходити лем діти, котры мали потверджїня од земепана. Зміны ся зачали робити аж од р. 1777, коли імператорка Марія Терезія приходить із великов школьсков реформов «Ratio Educationis».

Ани єден із урядных языків Угорьска не бив в тім часї із групи славянських языків. В рамках того треба спомянути, же Дідеротова енциклопедія, котра выходила од р. 1751 до р. 1772, нам уваджать інформацію, же в Угорьску было в пол. 18. ст. много жителїв славянського походжїня а на основї того, франьскы кронїкары характерізовали Угорьско як славянську державу. [Марек 2011: 36–37] Ай тот факт підпорує тверджїня, же Угорьско была мултікултурна держава, де жыло веце народів а каждый із них мав сформований свій родный язык, напр. Русині – русинськый, Словаці – словенськый. В рамках населеня Русинів на території Угорьска треба спомянути, же Угорьско, а так само Підкарпатська Русь, котра ся находила в Угорьску, ся ділила на тзв. комітеты (жупы). Комітеты были адміністративны части – области Угорьска. Мараморш, Угоча, Берег, Унг, або ай Ужьскый комітет, Земплин, Шаріш, Саболча а Спиш были комітеты в Угорьску, котре в тім часї были найвеце населены Русинами. Представителї русиньской тогочасной інтелігенції были переважно грекокатолицькы священники, напр. Михайл Мануїл Ольшавський, Ян Брадач, Грігорій Таркович, Васіль Довгович, Арсеній Коцак, Андрій Вальковський а главно єпіскоп Андрій Бачінський, із котрым ся спаяють зачатки русиньского народного возроджїня і хоснованя русиньского языка в офіціалных сферах. Зато мож ай повісти, же на свій час церьков дость сміло выужывала в своїй практиці в ролї літературного языка єпіскопського уряду язык оснований на говоривій – народній базї. Подобно і в світській сферї мож найти аналогічны

прикладу, а то в періоді реформ імператorkи Марії Терезії у другій половині 18. ст., коли в урбаріалнім суписї був попершырыз русинський язык языком офіціалных штатных документів.

1. Методика выскуму

Каждый народ має свою історію і культурных діятелів, котры ся интересовали у вопросах языкового, культурного, національного а набоженського аспекту жытя в данім часі. На основі писменства діятелів, котре ся заховало, можеме реалізувати выскум котрый нам може допомогти объяснить образ історічного періоду, але ай характеризувати язык, котрый ся в данім часі хосновав. Про тоту епоху є особность єпископа Бачинського вызначна главно зато, же ся активно интересовав о розвой народной ідентиты Русинів, їх языка, школкства ітд. Постава єпископа є про нашу роботу интересна не лем зато, же ся интересовал о вопрос русинської ідентиты, але ай зато, же був автором текстів, котры будеме на слідуєчїх сторінках аналізувати в рамках языковых знаків, котры ся хосную ай в теперішнім русинським языку.

На наслідуєчїх сторінках будеме реалізувати выскум, котрый ся буде складати із двох частей. В першій части ся будеме интересовати о теоретичны знаности в области історії а політичных змін в Угорську в періоді на концу 18. ст. а зачатком 19. ст., а так само ся будеме снажити объяснить языкову сітуацію Русинів а поставліня русинського языка в Угрорську в тім часі. В другій части будеме аналізувати писомный языковий прояв єпископа Бачинського. На основі языковой аналізы єдного із єго ціркуляря будеме наслідно робити сінтезу. Не будеме ся интересовати лем о языкову аналізу, але тот текст будеме ай інтерпретувати із семантичного погяду і надвязувати на історичны тогочасны події. Выслідком того буде інтерпретацна, штїлістїчна а з части ай морфологічна характерітіка языкового прояву єпископа Бачинського. Цїлковим цїлём нашой работы буде вытворїня комплексного языкового образу епохи на концу 18. ст. а зачатком 19. ст. В асоціації з цїлём выскуму сме постулёвали слідуєчі вопросы:

1. Овпливнёвав єпископ Андрій Бачинський языкову сітуацію Русинів в Угорську в періоді на концу 18. ст. а зачатком 19. ст.?
2. Яким способом а до якої міры овпливнёвав єпископ Бачинський языкову сітуацію Русинів?
3. Можеме находити в языковим прояви Андрія Бачинського дакотры языковы знаки сучасного русинського языка?

2. Особность єпископа Андрія Бачинського

Андрій Бачинський ся народив 14. новембра 1732 в малым селі Бенятина. Бенятина є село, котре ся находить на теперішній території восточной Словакії а люде, котры ту жыють бісідую по русинскы. Мож повісти, же ай в сучасности є того село населене із векшыны Русинами. В часі жытя єпископа Бачинського ся село Бенятина находило в комітеті Унг а ведно із сусідным селом Подгородь были окраєвыма селами того комітету із северовостока. Комітет Унг сусідів із комітетом Саболча, Берег а Земплін, а так само із Галічов. На території комітету Унг ся находили теперішній державы Мадярско, Україна, а так само ай Словакія. Маєме к діспозиції ай інформації із населеня жытелів, котры уваджають, же в комітеті Унг жыли переважно Русины, напр. на концю 19. ст. жыло на території Унг аж 33,22 % Русинів, 31,16% Мадярів а 29,14% Словаків. [Paládi-Kovács 2017: 263–265] Тота інформація є дость інтересна а єднозначно можеме повісти, же в тім часі были Русины найвекшым із нарордів, што ся односить ку кількості жытелів, котры жыли на території комітету Унг.

Бачинський выходив гімназії в Ужгороді, котру мав як родак із села Бінятина близко. Як знаєме, Ужгород був в тім часі центрально-адміністративным містом комітету Унг. 3. апріля 1753 ся Андрій Бачинський записує на богословску факулту універзیتی в Тырнаві. Фінанчна ситуація го нугить зарабляти сі як домашній учитель дітей грофа Майлата. Уже в 1756 році єпископ Михайло Мануїл (Ольшавський) высвячує клерика Андрія на священника і такой го охаблять в Мукачеві. Правда, такой по закончіню теологічных штудій – доктора теології (1758) о. Андрій приходить до міста Гойдудорог (комітет Саболча) як сполупрацовник містного архідіякона о. Юрія Сабадоша. На тых функціях діяв продовж трьох років, а коли о. Сабадоша призвали до Мукачева за генералного вікарія єпархії, скоро тридцятьрічний Бачинський ся стає парохом Гойдудорога, а часом і архідіяконом комітету Саболч. Ёго патріотичный характер ся указав уж в році 1749, кедь ся у єпископів Михайла Ольшавського і Іоанна Брадача у Відню домагать ослободжіня од духовной старостливости латиньского Егеру і добивать ся в Римі канонічного заложіня Мукачевской єпархії. [Фенич 2014: 139–141]

В році 1770 го єпископ Брадач посылає до Відня, де 1. апріля мав аудієнцію у Марії Терезії, де детално высвітлив важность діла компетентным особам імператоркы в церьковных вопросах. Наслідом тых стріч офіціална позиція Відня была наслідуюча – канонічне заложіня Мукачевской єпархії. Так 19. септембра 1771 буллов «*Eximiam regalium principum*» папа канонічно заложив Мукачевску єпархію. По смерти

владыкы Брадача (4. юла 1772) духовенство Мукачевской епархії єдногласно выберать сорокочного Андрія Бачинського за капітуларного вікарія і дочасного справцю дієцезы [Задорожний 2002: 17]. Мукачевска епархія была в тім часі розшырена на території комітетів Абауй (Abáúj), Берег (Bereg), Боршод (Borsod), Гемер (Gömör), Земплин (Zemplén), Мараморош (Máramaros), Саболча (Szabolcs), Сатмар (Szatmár), Спіш (Szepes), Торна (Torna), Угоча (Ugocsa), Унг (Ung) і Шаріш (Sáros) а шість міст Гойдудорога (Hajdúvárosok). [Kiadja a magyar békeküldöttsé 1920: 284–310] 20. мая 1773 Андрій Бачинський був висвячений за єпископа у Відню єпископом Василєм Божичковичом. Марія Терезія з нагоды висвячїня за єпископа подаровала му і єго наступникам маєток в Боршодській жупі під назвов «Архімандрія св. апостолів Петра і Павла із Теплиць». Андрій Бачинський мав близко к Марії Терезії або, мож повісти, був єй добрым приятелєм. Тото споїня было про нєго важным, главно в асоціації з народностным і языковым вопросом. Императорка про єпископску резиденцію подаровала в Ужгороді монастырь єзуїтів з приналежным костелом і много далшого. В році 1777 ся єпископ Андрій Бачинський став легітимным інтерным тайным радцєм імператоркы. Императорка і імператорський двір ся з Бачинским часто радили о внутрішній політіці Угорьского кралєвства. То значить, же Бачинський був респектованым а інтересным членом кралєвского двора. [Завосинський 2009: 12] Інтересна інформація про нашу роботу є, же в 1775 році Бачинський перенїс резиденцію епархії з Мукачева до Ужгорода. Єпископський уряд був перенесений на місто, де ся передтым находив монастырь єзуїтів з приналежным костелом, котрый подаровала імператорка про єпископску резиденцію. Бачинський хотїв реорганізувати єднотливы інштитуції в Мукачевской епархії [Кондратович 1925: 36]. В рамках успішної реорганізації треба спомянути, же в р. 1787 было перенесеных далшых єденадцять грекокатолицьких парохії до Мукачевской епархії. З них був пак зряджений Кошіцький вікаріят. Процес реорганізації був успішний а завершений внаслідку чого, ся єпископ в 1780 році переселив з Мукачева до Ужгорода.

3. Школьска реформа в контексті русиньского языка а жытя Андрія Бачинського

Найінтереснішов історичнов подіїв про школство, а то нелем русиньске, є реформа із р. 1777, коли Марія Терезія выголосила новий організацный порядок про угорьску школьску систему Ratio educationis. Внаслідку того ся зачали школьскы реформы, формованя новой незавіслой од церквы освітної системи, підрядженої штатній комісії про освіту.

Основне школьске навчання од 6 до 12 років ся стало повинным. Порядок укладав будувати штири новы тїпы школ: сельска школа, двойкласна школа трівіална в малых містах, в містах мали быти основны школы трикласны, главно про діти обходників і ремеселників, у центрах школьских обводів штирикласны школы класічны, котры виховлєвали учітелїв. Середне школство мали творити три тїпы школ: низша середня школа, тзв. граматічна, дале гімназія і тзв. академія як передступінь універзітної освіти.

Угорьско было розділене на 9 школьских обводів. Русиньскы комітеты, респ. комітеты, де жыли Русины, Унг, Берег, Уточа, Мараморош были зачленены до Ужгородьского обводу, котрого центром був Ужгород. Каждый із комітетів мав директорьску раду, котра контролєвала школський процес – учіня а вихову дітей. Переважно священники выконавали функції іншпекторів, але в дакотрых припадах выконавали ай функцію учітелїв. Заведжінєм школьскої реформи на Підкарпатю був імператорков Марієв Терезієв повірений Андрій Бачінський. В контексті того, треба характеризувати тогочасну языкову сітуацію. Як знаєме, русиньський язык ся став за ёго еры языком єпіскопської канцеларії. Самособов, в рамках тогочасної термінології не можеме бісїдовати о языку русиньскім, але о языку рускім, респ. русскім, дакотры праменї хоснують ай термін церьковнославянський язык, або ай карпаторускый язык. Кебы сме хотїли курто характеризувати тот язык, респ. документи, або іншаки писомны проявы в тім языку, можеме повісти, же были написаны з выразным наближінєм до теперішнього русиньского языка, і хоць все із ясныма знаками граматікы церьковнославянського языка. Тот факт нам декларують ай писомоны проявы єпіскопа Бачінського, котрый сам хоснує термін **рускый язык** в дакотрых ціркулярах ёго єпіскопської канцеларії. Мож повісти, же виходить із тогочасної народної бісїды жытелїв Підкарпатя, то значить Русинів. Русиньський язык як такый виходить із штирєх основных языковых фундаментів той епохы, котры были хоснованы на Підкарпатю. Бісїдуєме о церьковнославянськім языку, о тзв. великоруськім, українськім а карпаторуськім, респ. в сучасній термінології карпаторусиньскім, або русиньскім языку. Форма церьковнославянського языка была залежна од языковых способностей авторів а языкового макроареалу, в котрім авторі жыли. Абсенцію дакотрых слов заповняли їх переберанєм з того языково-културного макроареалу, або простору, в котрім жыли, або переберанєм чуждїх слов (напр. словакізмы). На основі уведженого можеме повісти, же розвой русиньского языка має свою довгу а давну історію, котру овпливнєвало веце языков а языковых фундаментів а іс-

торічно-політичних змін. Треба думати ай на факт, же Русины не мали свій языковий і народный вопрос (вопрос народной ідентіфікації) офіціално вирішений аж до конца 20. ст. Зато будеме про далшы потреби нашой роботы хосновати термін руский язык про означіня тогочасного варіанту русиньского языка.

3.1 Реалізація школьської реформи на Підкарпатю Андрієм Бачинським

Цілем культурно-освітньої роботи єпископа Бачинського в області едукації дітей в Мукачевьской єпархії было выбудованя школьского єднотного сістему а основных школ, в котрых був материнський язык дітей ай языком навчаня. То значить, же про діты, котры бісидовали по русиньскы, было навчаня в рускім языку. В рамках реалізації школьської реформи Бачинський в першім ряді зачав од будованя класічної школы в Ужгороді, задачов котрой была дінамічна выхова учітелїв в рускім языку, котры наслідно будуть учіти школярїв в рускім языку. То значить, навчаня в ужгородських школах ся реалізовало в роднім рускім языку. Реорганізовав учітельську семінарію в Корытнянах коло Ужгорода на ліцей. Як знаєме, Бачинський ся актївно домагав того, жебы в селях, де жыло веце як 50 діты, котры мали од 6 до14 років, было навчаня в материнським языку, то значить в «**языку русской науки**». [Федака 2013: 27–28] На основі того був про хоснованя дітей написаний букварь в рускім языку. Секретарём А. Бачинського в 1777 р. був Іоанн Кутка, котрый на основі повірїня єпископа написав «Букварь языка рускаго» (1797, 1799, 1815) і «Катехизис малый» (1801), котрый мав 11 выдань. Букварь Іоанна Куткы (1797) був прикладом розлишованя трёх штїлів у тогочаснім языку. Найпростіший з них ся операв о живый язык вірників в Мукачевьской єпархії. [Плішкова 2008: 13] Кедь під впливом терезіаньского і йозефіньского освітанства в 70-х роках 18. стороча зачали по цілій габсбургській монархії взникати основны і середні церьковны школы, зачали ся складати про потреби школьської освіти граматікы і іншы учебники. Найстарша карпаторусиньска граматіка была написана в другій половині 18. ст. (1770). Ёй автором був священник Арсеній Коцак, родак з Буківця (русиньске село в сучаснім окр. Стропків на Словакії), був доктором теології (1767), професорём духовной школы Краснобрідьского монастыря (1768, 1771–1774), професорём богословія духовной школы в монастырю Марія-Повч (1774–1778). Веце як 30 років выкладав церковнославянський язык, реторіку, поетіку, історію і філософію про штудентів у монастырських школах. [Статєва 2011: 404–408] Коцак із Бачинським прияли участь в 1773 р. на стрічі у Відню, котру скликала

імператорка Марія Терезія на тему друкування кірілічних книжок. На стрічі ся виявило, же є барз мало учебників про русинських штудентів теологічних а інших школ. Зато ай А. Коцак започав написати учебники в церковнославянськیم языку про різны ступні школ під назвов «Грамматика русская, сиречь правила о словосложении слова языка русского» в р. 1768–1788. Хоць тота граматіка была написана в церковнославянськیم языку, але як сам автор назначав, была то граматіка про штудентів, котры бісідують русскым языком. Коцакова граматіка є учебником літургічного церковнославянського языка виходославянської редакції. Была зложена з наслідуючих частей: орфографія, прозодія, етімологія і синтаксис. Коцак виходів із граматіки українського автора Мелетія Смотрицького з р. 1619, котру Коцак в передслові споминать. Самособов ся Коцакова граматіка в многім одлишує од граматіки Смотрицького, а то нелем в граматічній теорії, але і в языковій практиці. [Плішкова 2008: 11–12] В рамках того треба спомянути ай граматіку автора М. Лучкая, котрый в р. 1830 выдав діло Граматіка Славо-Рутгена. Лучкай хотів про ужгородський семінар написати такый учебник, котрый бы був про штудентів доступный а котрого выслідком бы было перепоїня церковнославянських а тзв. малоруских языковых знаків. О тзв. малорускیم языку Лучкай бісідує як о языку людей, котры жыють в Карпатах. [Štec 2005: 49–51] В тім контексті можеме інтерпретовати термін малорускый язык про означіня тогочасного русинського языка. Так само не хоснує означіня церковнославянскый як сінонім про рускый, тогочасный русинскый язык. Язык, котрый М. Лучкай означає як малорускый можеме інтерпретовати як живый язык зытелів (Русинів) в Карпатах, котрый є іншакый язык церковнославянскый. Про выслідный варіант языка, котрый ся розшырив меджі Русинамі, хоснує Лучкай назву «славено-руськый язык». [Плішкова 2008: 13] І. Пастелій, І. Базіловіч суть тогочасны діятелі, котры так само писали учебники про новооснованы школы в рускیم языку і занимали ся історієв тзв. «русской церкви» – то значить історієв грекокатолицького обряду, грекокатолицькой церкви.

Жебы підвышити уровень освіти греко-католицького духовенства, была в році 1774 у Відню (із ініціативи Андрія Бачинського) заложена «Кралёвска генерална грекокатолицька семінарія при храмі св. Варвары». Про каждоденну потребу а потім і офіціално была про ню прията скорочена назва Барбареум. Бачинскый завів і навчання русинського языка в семінарії, який ся став урядным языком і єпископской канцеларії. Семінар Барбареум був отвореный з ініціативи імператорки Марії Терезії в роках 1774–1784. Из вшыткых 46 міст было 11 міст зарезерво-

ваных про семінарїстів з Мукачевской епархїї. [Магочій 2010: 823] Дакотры абсолвенты ся стали єпіскопами, професорами богословия, або ректорами в семінарях, а дакотры з них были писателями. Меджі іншыма у Барбареу здобыли освіту і Грігорій Тарковїч, першый уніацьскый митрополита А. Ангеловїч, Алексій Повчій, Михайло Щавницькый, першый ректор Генеральной грекокатолицькой семінарїї у Львові, і др. В контексті уведженого треба спомянути ай заложыня першого высшого научного інштїтуту про Русинів з назвов «Студіум Рутенум – Провізоричный науковий інштїтут в руській мові», сформований при Львівской універзїті. Тот інштїтут був выбудований на основі ініціатїві імператора Йозефа II. До інштїтуту могли наступити кандїдаты, котры уже мали 17 років, знали чїтати і писати руськым языком (в сучасній термінологїї розумїй по русиньскы) а переважно были із Галїчі. Студіум Рутенум фунговало до року 1809 а штуденты собі могли vybrати із двох главных одборів – філозофічний а богословський. За цїлый час фунгованя навчаня в нїм закончїло 470 штудентів напр. Петро Лодїй, Михайло Гарасевич, Іван Лаврївський, Михайло Левицькый, А. Павлович ай.

Треба познаменати, же єпіскоп Бачинський ся інтересовав не лем о навчаня дїтей в основных школах, або штудентів у вышых інштїтутах, але єго цїлём было ай оброджїня жытелїв в области языкового, набоженьского а егічно-морального вопросу. В подстатї хотїв підвишити уровень грамотности в епархїї, жебы підвишїв ай уровень жытя вірників Мукачевьской епархїї. Хотїв, жебы каждый вірник міг прочїтати Біблію в материнскім языку. Треба повїсти, же єпископ допоміг ай ку ораганїзацїї фунгованя друкарьской справы а ку выдаваню учебників в руськїм языку. Зато была выдрукована ай Біблія в тїм языку на основі єго дожадованя. Окрем того ся Бачинський інтересовав ай о практичний аспект цїлой школьской реформы – село ведно із верхностїв комїтету мало добудовати школьскы будовы, там де до того часу жадны не были. В рамках практичного аспекту школьской реформы дохаджать ай ку придїлїню землі про учїтелїв у комїтетах Унг і Мараморош. На основі уведженого можеме конштатовати, же А. Бачинський започав шыроку просвітницьку роботу, котра ся заміряла на розвиваня народной культуры а таксамо на хоснованя русиньского языка як родного языка у вышїткых областях жывота тогочасных жытелїв – Русинів в Угорьску. Выходив з того, же кедь навчаня русиньских дїтей ся буде реалїзовати в роднїм языку, котрый называтъ русский язык, та і школы, культура і народ будуть просперовати. Подля Бачинського є тото ключом про добре фунгованя народа.

4. Языкова аналіза ціркуляря А. Бачіньского із р. 1798

Заховало ся дакілько написаных текстів А. Бачіньского, котры ся обсягово вяжуть з ёго церьковным урядом (ціркулярї, пастырськы листы ай.). Переважно то суть тексты, котры можеме зараховати ку текстам адміністративного штїлу. Магочій тоты тексты характерізуе як тексты, котры суть тіпичным прикладом (карпато)русиньского языка, котрый быв значно одхылений од церьковнославянської языковой базы. [Магочій 1994: 24–25]. Кебы сме хотїли розділити ціркулярї єпіскопа Бачіньского на основі тематічно-обсягових категорії, так можеме бісїдовати о:

- группах ціркулярїв, котры ся интересують о важны писомны преявы, як суть напр. адміністративны предписы, напр. декреты, рескрїпты, протоколы, договори ітд. В подстатї Бачіньский в тых ціркулярях интерпретуе проявы імператора священником у свої єпархії, тзн., як мають поступовати в рамках рішїня штатных, або штатно – церьковных вопросів.
- друга група ціркулярїв ся скорше орьентує на народно-культурны вопросы а языковы вопросы. Бачіньский ся интересує о школство про Русинів, выучованя в родным русиньским языке, о школьскы учебники в русиньским языке, о семінарї про будущих священників ітд. [Удварі 2000: 83]

В наслідуючій части хочеме представити обсяг ціркуляря, котрый написав Бачіньский, і характерізувати языковы шпеціфікы, котры суть ідентичны або одхылны од сучасного літературного русиньского языка. Кебы сме хотїли текст того ціркуляря класіфікувати із погляду штїлістичного членїня, то го можеме зараховати к текстам книжно-писомного характеру, конкретно адміністративного штїлу. Ясно а курто інформує о wybranім актуалнім проблемі, є адресований нелем єдному адресатови, але групі адресатів – можеме повісти – колектівному адресатови. Єдным із знаків адміністративного штїлу є часова інформація, в данім припадї датум выготовлїня ціркуляря. Находить ся такой на зачатку тексту а значить про тот час (р. 1787) ай актуальность, што є таксамо єдным із знаків адміністративного штїлу. Є то текст, котрый можеме характерізувати як офіціалне писмо, котре є адресоване в першім рядї священникам. Можеме го означити як текст церьковного характеру. Обсяг того писма священник повинен интерпретовати у своїй парохії тым, котрых ся дотыкать.

Формална а обсягова сторінка тексту

Автор того тексту виступає в першій особі сингуляру. З погляду на ціль wypowiedжіння можемо повісти, же Бачинський хоснує росповідны речіня, котры нас інформують о обсягу того ціркуляря. Речіня в контексті адміністративного штїлу можемо розуміти ай як єднотливы тезы (подмінкы, критерії), котрыма автор як авторіта (єрарха) высвітлює, хто може а хто не може быти приятый якраз до той семінарії, основаной на базі руской науки. З оглядом на тот факт, можемо бісїдовати о схемантічності у формулації речінь (критерії про пріятыя до семінаря), што є єдным із знаків адміністративного штїлу. Так само з оглядом на схемантічність треба повісти, же по кождім написанім речіню ся справила ставить точка, звідалник або выкричник. В текстї видиме, же семантічний конець речіня не є назначеный тіпично точков, але автор выужыває переважно на закончіня семантічной части речіня точку із запятов. В основі точку выужыває аж на самім концю цілого тексту. Тот факт нам може указовати ай на характер того тексту, і на характер речінь, котры суть закончены точков із запятов. Довжка того тексту таксамо корешпондує з довжков адміністративных жанрів. Текст не є довгый, має куртый і вецный характер. Є то текст ознамуючого жанру адміністративного штїлу.

Мож повісти, же обсягова сторінка корешпондує із формалнов сторінков тексту. Автор в тім текстї ясно і критічно говорить о кандідатах на вступ до духовной клерічной семінарії, де ся штуденты учать «руской науці». Ёго оцінка є нелем обективна, але ай субективна, што не є, може, цілком тіпичне про адміністративный штїл, але тота субективна оцінка може быти інструментом про підвышіня інтересу о дану проблематіку. Свідчіть о тім такой першый рядок тексту, в котрім автор (і зарівно авторіта, єрарха) ясно говорить о болю сердца як наслідку занедбаня навчання в «руской науцї». Наслідком того, же штуденты передтым ходили до латиньских школ, та не знають ани мено своє написати, ани читати в своїм «руским» языку. Выслідком ёго уважованя є остра вызва, адресована родічам кандідатів на семінарістів, «жебы не посылали своего сына до духовной клерічной семінарії, покы вь своей первоначальной русской не будеть обученый, и привычаеный». [Удварі 2002: 136]

Граматічна сторінка тексту

Текст ціркуляря обсягує дакілько знаків кірілічного алфавіту, котры ся хосновали в церьковнославянськїм языку напр. ъ. На основі уведженого факту можемо повісти, же автор тексту виходить із церьковнославянського языка, або з дакотрых ёго языковых знаків. Не дасть ся

характерізувати тот текст як текст, котрый є написаний лем в церковно-славянськїм, або лем в русиньскым языку. Из той прїчіны є інтересна языкова аналіза того тексту. Покры попозераєме на граматічний аспект тексту, то в цїркулярю Бачінський хоснує вшыткы повнозначны а неповнозначны части речі. То значіть, же в текстї находиме назывники, придавники, чїсловники, містоназывники, часослова, присловники, предікатівы, приназывники, злучники, модалны слова, часткы а чутеслова. Мы ся будеме інтересувати хоснованєм дакотрых частей речі з цїлєм найти еднакы языковы знакы в текстї цїркуляря Бачінського а сучасного русиньского языка.

В першїм рядї ся попозераєме на групу назывників. Назывники котры ся в текстї находят розділюєме до трєх родів – мужський(**сынъ**), женський (**школа**) і середній(**сердце**) Тото розділєваня назывників до мужского, женского а середнього роду ся хоснує в русиньскїм а так само ай в церковнославянськїм языку. В текстї находиме конкретны (**ізъ школь, сынове, сердца**), абстрактны назывники(**съ болъзнію, съ кривдою, посміх**), почитателны (**сынове**), плуралія тантум (**уста**), жывы (**сын, родитель, школяръ**), нежывы (**имя**). В текстї не находиме властны мена, лем невластны (**сын**). Кідь ся попозераєме на особы жывы назывники мужского роду, котры в номінатіві єднотного чїсла суть закончены на твердый согласный (**сын**), а в текстї выступляють в номінатіві множного чїсла з флексієв **-ове**. Така подоба слова **сынове**, котру Бачінський хоснує в цїркулярю, ся таксамо хоснує ай в сучаснім русиньскїм языку. Не хоснують ся в сучаснім русиньскїм языку нестягнуты формы назывників (**нуждою, средствія**), але їх курты еквіваленты (**нуждов, средства**). На тім прикладї видно, же в Бачінського текстї находиме склонєваня назывників, котре є тотожне із теперішнім русиньскым языком, а так само склонєваня назывників, котре ся в теперішнім русиньскїм языку не хоснує. Такы приклады рівнакых а розлічных языковых знаків находиме не лем меджі групов назывників, але ай меджі остатныма частями речі. Група часослов, конкретно часослова в інфінітиві, суть закончены еднаков флектівнов морфемов -ти (**читати, написати, учити**), так як то є ай в сучаснім кодифікованім русиньскїм языку з меншыма ортографічныма змінами (**чітати, учіти**). Можеме повісти, же невызначена форма часослов у текстї цїркуляря є тотожна із формов інфінітиву часослов сучасного русиньского языка. Таксамо і ортографія часослов з негуючов частков не, напр. не знають, є в обіжнику тотожна з ортографієв сучасного русиньского языка, т. є. частка ся пише окреме од часослова (**не знають**). Розділ є в правописі часослов в 3. особі сінгуляру (**будеть**) і плуралу (**приходятъ, не знають**), якы

мають тверде закончіня **-ть**, причім в сучаснім русиньскім языку є в сінгларі часослов 3. особы є закончіня без **-ть (буде)** а плурал ся кончіть на мягкый консонант **-ть** (приходять). Кебы сьме ся хотіли попозерати на групу придавників, так можеме сконштатовати, же тоты части речі ани в єднім припаді не мають єднакы закончіня, респ. ся не склонюють так, як придавники в сучаснім русиньскім языку, што є дане церьковнославянськов основов языка обіжника. Напр. в ціркулярю є споїня придавника з назывником женьского роду в локалі сінгулару (в) руской науць, де придавник є законченый флексієв **-ой**, причім в сучаснім языку є в тім паді і роді флексія **-ій**: в рускій науці; адъєктивы в генітиві сінгулару ся в ціркулярю вжывають із флексієв **-аго** – **церковнаго**, а в сучаснім русиньскім языку є флексія **-ого** – **церковного**; в ціркулярі находиме нестягнуты формы придавників (глупіі, занезбалиі, руское), причім про сучасный русиньскый язык суть характерістичны стягнуты формы придавників (глупы, занедбалы, руське). В припаді препозіцій можеме найти дві можности інтерпретації їх хоснованя в тексті ціркуляря. То значіть, находиме ай єднакы препозіції, як тоты што ся хоснують в сучаснім русиньскім языку. Напр. препозіція на, до, але ай такы, котры суть одлишны, напр. **съ** + інштрументал (съ болъзнію), де на доказ твердого консонанту ся хоснує твердый знак. Напротывагу, в кодифікованім русиньскім языку еквівалентом уведженой препозіції в споїню з інштрументалом назывника суть: **(і)з, зо**.

В рамках лексікального погяду в тексті находиме лехемы церьковнославянського, тогочасного а так само ай сучасного кодифікованого русиньского языка, котры суть єднакы (сьнове, читати, сердце). То значіть хоснують ся ай в церьковнославянськім ай в русиньскім языку з рівнакым вызнмом а рівнакым граматічным значінём, в сучаснім русиньскім языку з меншыма змінами (нанпр. група часослов **читати-читати**, склонёнаня назывників середнёго роду в г. сінг. **серця** – **сердца**). Так само можеме в тексті находити інтернаціоналізмы із латиньского языка напр. лехема **семінаръ** – в тексті **въ семинаріи**, лехема **парохія** – в тексті **въ парохіи**, экзамен- в тексті **на экзамень**, фундація – в тексті **и фундаціи**. Ку інтернаціоналізації лехем праві із латиньского языка може приспів ай факт, же на теріторії Угорьска быв латиньскый язык єдним із офіціалных языків, котры ся в тім часі хосновали, або факт, же в русиньскім а в церьковнославянськім языку не была в даным часі еквівалентна лехема. Ай таким способом дохаджало ку розшырваню словной засобы, дасть ся повісти обидвох языків.

Термін руский язык

На основі того циркуляря можемо приближити ай історичну проблематику хоснованя а ідентифікованя терміну руский язык. Интересный є про нас атрибут, котрый автор циркуляря хоснує в асоціації із споїнем науки і языка. Бісїдує о «**рускім языку**» о «**русской науцѣ**». [Удварі 2002: 13] Можемо повісти, же не лем єпископ Бачинський, але ай ціле тогочасне грекокатолицьке духовенство хосновало атрибут **руськое**, напр. **руськое набоженство**, або **россійский клир дієцезі мукачевской**, не лем в контексті языкового вопросу, але тот термін хосновали ай як еквівалент ку слову грекокатолицький. Тот яв, або того означованя находиме і в сучасности, кедь ся самы грекокатолици на теріторії восточной Словакії называють Rusnaci. В контексті того виходиме із навкової роботи Женюха, котра была заміряня на одповіді конкретных людей. Автор дотазника виходить із двох ключовых вопросів. Першыи вопрос був якы жытелі жыють у вашым селі, парохії – «aké obyvatelstvo žije vo vašej farnosti (dedine)?» а другый вопрос був якый язык хоснуєте у бісїді – «aký jazyk používajú pri bežnej komunikácii?». Одповідь на першыи вопрос був такый, же в селі жыють самы Руснаци «ta tu bivaју sami(e) Rusnaci», але одповідь на другый вопрос був такый, же мы сме ту Словаци, респ. небісїдуєме як Руснаци «ta mi tu Slovaci, або mi ňebešedujeme jak Rusnaci». [Žejuch 2014: 107] З уведженого выплывать, же жытелі восточной Словакії – грекокатолици в подстаті не поняли означіня Руснак в етнічным а языковым визнаму, але скорше в конотації і з набоженським визнамом так само як ай в часі жытя єпископа Бачинського. В тім контекстї можемо продовжовати а повісти же в 18 ст. в селах де жыли протестанты, або вірники калвиньской віры, собі в рамках рекатолизації выбрали хоснованя грекокатолицькой релігії. Внаслідку того факту, зачали ся будовати грекокатолицькы парохії ай в селах, котре не были заселнены Русинамі. Напр. в южній области комітету Унг, Берег а Земплин, на востоку теріторії теперішнёго Мадярьска а так само ай в лутераньских селах на востоку теріторії теперішній Словакії (Пакостів, Мальців, Репеїв, Дячів, Якубяны ай). [Копецькы 2015: 98] На основі уведженого можемо конштатовати, же в тых селах ся зачали славити літургічны обряды в **рускім языку** а так ся зачав тот язык дость фреквентовано діставати до языкового познания людей, респ. жытелів Угорьска – Нерусинів. Церковнослвяньский язык ся дотеперь хоснує на Словакії на богослужінях восточногo обряду. Хоснує ся в двох варіантах літургічного языка: словеньский а тот другый Женюх означує як «підкарпаторуский» (Žejuch, с. 119, 2020) Сам автор тот варіант

характерізує як русиньскый варіант української редакції церковного славянського языка. (Žejuch, с. 120, 2020) Тото означіня є про нашу роботу інтересне зато, бо тот термін «підкарпаторускый» можеме хапати а ідентифіковати як язык, котрый хосновав ай Бачіньскый в текстах ціркуиарів.

Заключіня

На основі уведженого можеме повісти, же ку концу 19. ст. русиньскый язык не був офіціалным языком (в Угорську), а так само русиньскый народ не мав сформований свій властный штат. Хоць подмінки про русиньскый народ а хоснованя русиньского языка не были ідеалны, тогочасный русиньскый язык ся хосновав в розлічных сферах жытя людей, не лем в говорівій приватній формі. Ку тому факту єднозначно найвеще приспів в тім часі єпіскоп Андрій Бачіньскый а круг представителів тогочасной русиньской інтелігенції – Коцак, Брадач, Кутка, Пастелій ай. В кождім припаді бісїдуєме о варіанті русиньского языка, котрый був до істой міры овпливнений церьковнославянським языком. В тім контексті можеме продовжовати а підпорити того тверджіня на основі аналізу тексту із ціркуляря. Першым евідентным знаком, котрый демонструє того тверджіня є факт, же автор хоснує знакы кірілічного алфавіту, котры ся хосновали в церьковнославянським языку. Автор в тексті хоснує лексемы церьковнославянського а тогочасного русиньского языка, котры суть в дакотрых припадах семантично а граматічно рівнакы. Так само ай граматічна сторінка того тексту обсягує языковы знакы, котры суть тіпічны про сучасный русиньскый язык, але ай такы, котры ся од нёго одхылюють. На основі уведженого можеме конштатовати, же Бачіньского языковый прояв виходить в першім ряді із церьковнославянської языковой бази, і є доповнений містнов діалектнов лексіков, яка має місце і в сучаснім русиньським языку (**барз, про, по-смїх, по... роках, напів, уста, жаден і др.**). Не треба забыти ани на тот факт, же русиньскый язык до того часу не мав сформованы ниякы офіціалны правила, на основі котрых бы ся дав хосновати напр. в конфесійній сфері або в іншакых офіціалных сферах, зато ся не міг обыйти без церьковнославянських а до істой міры ай латинських впливів. Вдяка ініціатівам єпіскопа Бачіньского тогочасный русиньскый язык зачав поступно проникати ай до офіціалных сфер жытя людей. Нелем до богослужінь грекокатолицького обряду, але став ся урядным языком єпіскопского уряду і языком навчаня. Доконця і дакотры урядны документи із того часу – нелем єпіскопской канцеларії – были написаны з выразным наближінём до русиньского языка, і хоць все із явными

знаками граматики церковнославянського языка. Зато ся епоха, коли був Бачинський єпископом Мукачевської єпархії (1773–1809) називать золотим віком а спять ся зо зачатком русинського народного возроджіня [Конєчні 2009: 72]. Мож конштатовати, же русинське народне возроджіня было звязане з першыма кроками в народным жывоті Русинів ініційованыма і реалізованыма єпископом А. Бачинським, і таксамо першу цілену пробу кодифікації (карпато)русинського языка видно в писомностях канцеларії мукачевского грекокатолицького єпископа А. Бачинського, котрый ся сучасно поважує за першого народного діятеля Підкарпатя. Успіх підтримованя хоснованя русинського языка выходить із єго думкы, же в першім ряді треба заховати самобытність народа а выучованя в материнськім языку, звышовати уровень знаня катехізму а не доволити, жебы дохаджало ку языковой, культурной а набоженьской асімілації. Будучность народа відів у выхове дітей, котра мала быти зоснована з оглядом на набоженьске а язкове учіня. В заключіню можеме конштатовати, же на вшыткы постулованы вопросы выскуму можеме одповісти. На основі уведженого можеме ясно підпорити тверджіня, же єпископ Бачинський овпливнєвав языкову сітуацію Русинів в Угорьску в періоді на концю 18. ст. а зачатком 19. ст., а так само можеме находити знакы сучасного русинського языка в языковим прояви Андрія Бачинського. В рамках языковых вопросов ся інтересовав о розлічны сфери жытя Русинів (главно в школьській сфері – выучованя а учебники про штудентів в материнськім тогочасным варіанті русинського языка, в церьковній сфері – тогочасный варіант русинського языка був языком єпископської канцеларії ітд.). Спосіб яким овпливнєвав єпископ Бачинський языкову сітуацію Русинів было веце (подробно суть пописаны в єднотливых капітолах той роботы), а вшыткы з цілєм підвышеня уровни освіти, жытя а грамотности у Русинів.

В сучасності є на честь єпископа на містнім храмі в єго роднім селі Бенятина табличка, на якій є парадоксно в українськім языку, хоць жытелі в селі бісідують звекша по русинськы, написане: «Я свій шлях пройшов і закінчив життєві битви. Я віддав Богу життя, церкві працю, а серце народу.» В Ужгороді є меном Андрія Бачинського назване намістя коло катедрального храму і єдна улїця. На фасаді храму є прикріплена меморіална табла таксамо з написом в українськім языку: «Єпископ А. Бачинський – великий духовний і громадський просвітитель нашого краю».

ЛІТЕРАТУРА:

- ФЕНИЧ, В. (2014): Вправління з історією по-українськи, або якою не повинна бути історія та історіографія закарпаття після 1991 року. In: *Науковий вісник Ужгородського університету, серія «Історія»*, вип. 2 (33). Ужгород.
- ФЕДАКА, С. (2013): *З історії християнства на Закарпатті*. Ужгород: Поліграфцентр Ліпа.
- КОНДРАТОВИЧ, М. (1924): *Історія Подкарпатскої Руси для народа*. Ужгород: УНІО.
- КОНЄЧНИ, С. (2009): *Капітолы з історії Русинів на Словеньску*. Пряшів : Русин і Народны новинкы.
- ПЛІШКОВА, А. (2008): *Русинський язык на Словеньску. (Короткий нарис історії і сучасности*. Світовий конгрес Русинів у Пряшові.
- МАГОЧІЙ, П. Р., ПОП, І. (2010): *Енциклопедія історії та культури карпатських русинів*. Ужгород: Видавництво В. Падяка.
- СТАТЕЄВА, В. (2011): Проблеми історії українського мовознавства на закарпатті в працях й. О. Дзендзелівського. In: І. В. Сабадош (eds). *Сучасні проблеми мовознавства та літургознавства*. Ужгород: Видавництво УжНУ Говерла, с. 404–408.
- УДВАРІ, І. (2000): *Образчинкы з історії пудкарпатських Русинув XVIII. столітіє Изглядованя з історії културы и языка*. Ужгород: Видавництво В. Падяка.
- УДВАРІ, І. (2002): *Кириличні уббіжники мукачовського єпископа Андрія Бачинського*. Nyíregyháza: Készült az IMI PRINT KFT Nyomdájában.
- ЗАВОСИНСЬКИЙ, І. (2009): *Єпископ Андрій Бачинський – визначний релігійний діяч і просвітитель краю*. Трибуна.
- ЗАДОРЖНИЙ, І. (2002): *Єпископ Андрій Бачинський в епістолярній спадщині*. Mukačevo: Karpatská veža.
- KONEČNÝ, S. (2015): *Náčrt dejín karpatských Rusínov*. Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry.
- MAREK, M. (2011): *Národnosti Uhorska*. Filozofická fakulta Trnavskej univerzity v Trnave.
- PALÁDI-KOVÁCS, A. (2017): Abaúj felekezeti és etnikai térszerkezetének változásai (16-20. század eleje). In: *A Kárpát-medence történeti vallásföldrajza*, 2. köt. Nyíregyházi Egyetem Turizmus és Földrajztudományi Intézet, c. 255–272.
- PLIŠKOVÁ, A. (2007): *Rusínsky jazyk na Slovensku: náčrt vývoja a súčasné problémy*. Metodicko-pedagogické centrum v Prešove.
- ŠTEC, M. (2005): *Cirkevná slovančina*. Prešovská univerzita v Prešove. Pravoslávna bohoslovecká fakulta.
- ŽEŇUCH, P. (2014): Kultúrne stereotypy v byzantsko-slovanskom konfesijnom prostredí na Slovensku. *Slavica Slovaca*. roč. 49, č. 3, s. 121–137.

Профил автора:

Мгр. Александра Тіхвонёва

Філологічне заміряня, славянскы языкы – русинський язык і культура

Пряшівска універзіта в Пряшові

Центер языків культур і народностных меншын

Інштїтут русиньского языка і культуры

Ул. 17 новембрия13

080 01 Пряшів

Словакія

<https://www.unipo.sk/pracoviska/urjk/uvod/>

alexandra.tichvonova@smail.unipo.sk

Ольга Бергер: Синтаксические термины в русском и чешском языках: сопоставительный аспект (на материале выбранных терминов). Brno: Masarykova univerzita, 2021, s. 141, ISBN 978-80-210-9807-7.

Základem recenzované rusky psané monografie je autorčina disertační práce obhájená v roce 2019. Lze jednoznačně přivítat, že předmětem zájmu autorky je právě ruská a česká syntax ve vzájemném porovnání, poněvadž prací na syntaktická témata vzniká v posledních letech poskrovnu.

Nauka o větné stavbě ruského jazyka je oblastí, v níž za poslední desetiletí došlo k významným změnám. Objevily se nové syntaktické koncepce, nové přístupy a hypotézy a to se pochopitelně odrazilo i v terminologii. Syntaktická terminologie současné ruštiny i češtiny je košatá, složitá a různorodá, do oběhu se dostala celá řada nových syntaktických termínů, tradiční termíny se často začaly používat v nových významech a komparativní pohled na tuto terminologii přináší navíc další okruh problémů. Je proto užitečné, že se autorka pokouší ruské a české syntaktické termíny uspořádat, vybrané termíny popsat z hlediska synchronického i diachronického, provést jejich komparativní analýzu a prozkoumat zvláštnosti jejich fungování v ruské a české syntaktické tradici. Vzhledem ke značnému rozsahu syntaktické terminologie se zaměřuje pouze na tři terminologické okruhy: slovní spojení a syntagma, syntaktické vztahy a prostředky jejich vyjadřování, větné členy.

Práce se skládá ze čtyř kapitol, z nichž první – *История изучения термина. Основные теоретические понятия терминоведения* – představuje především historický pohled na ruskou a českou terminologii a na terminologii komparativní. O. Berger zjišťuje, kdy se terminologie jako samostatný směr vědeckého bádání vyčlenila a postupně upevnila v lingvistice ruské a kdy v lingvistice české, a zmiňuje řadu významných ruských a českých jazykovědců, kteří se problémy termínu a terminologie zabývali – z ruských jsou to například V. P. Danilenko, A. S. Gerd, V. M. Lejčik, V. V. Vinogradov a další, mezi nimi zakladatelé ruské terminologické školy D. S. Lotte,

G. O. Vinokur, A. A. Reformatskij. V 70.–80. letech 20. století se v ruské terminologické škole postupně vyčlenily různé směry. Autorka jich uvádí pět a doplňuje k nim řadu dalších jmen ruských odborníků na terminologii. V českém prostředí O. Berger vyzdvihuje přínos českého národního obrození a bezprostředně s ním spjatých osobností J. Jungmanna a P. J. Šafaříka, poté přínos L. Kopeckého, B. Havránka, K. Sochora, J. Filipce a dalších. Současně jmenuje několik českých institucí a časopisů, které se věnovaly či dodnes věnují problematice terminologie. Zdařile vystihuje shody a rozdíly v pojetí a směrech výzkumu mezi ruskými a českými jazykovědci, v jimi používané terminologii aj. Zabývá se také historií vzniku a rozvoje komparativní terminologie, jejími principy i pojetím *termínu*, jeho vlastností a příznaků v současné lingvistice, vysvětluje význam a obsah pojmů *терминоведение* a *терминография*, upřesňuje pojmy *терминологическое поле*, *терминологическая система* a další. Podrobněji se zastavuje u článku S. D. Šelova *О вариативности и синонимии в терминологии* (2014), v němž autor vyložil svoji koncepci řešení variantnosti a synonymie v dané oblasti. Autorka konstatuje, že této koncepcce se bude přidržovat i ona sama a v závěru první kapitoly shrnuje základní premisy, na nichž svoji práci založila.

V kapitole druhé, nazvané *Словосочетание и синтагма в русских и чешских грамматиках*, jsou analyzovány termíny *словосочетание* a *синтагма*, resp. *slovní spojení*, *větná dvojice* a *syntagma*, nejprve v ruské gramatické tradici (V. A. Bělošapkova, F. F. Fortunatov, M. V. Lomonosov, A. M. Peškovskij, A. A. Šachmatov, L. V. Ščerba, A. Ch. Vostokov aj.), poté v pracích českých a slovenských rusistů (H. Flídrová, R. Zimek, S. Žaža, J. Svetlík) a českých bohemistů (J. Bauer, M. Grepl, P. Karlík, F. Kopečný, V. Šmilauer, F. Trávníček aj.). Zorientovat se v této problematice není snadné, je spleťtá, výklady uvedených pojmů se liší jak mezi jednotlivými syntaktickými tradicemi, tak i uvnitř nich. Auctore se však podařilo tyto rozdíly správně vymezit.

V kapitole třetí *Типы синтаксических отношений и средства их выражения, синтаксические связи* O. Berger zkoumá terminologii spjatou s otázkou syntaktických vztahů jako jedné z nejdůležitějších otázek větné skladby. Termíny excerpovala z gramatik ruštiny a češtiny, jejichž seznam zařazuje hned v úvodu kapitoly. Zjišťuje například, že ústřední termíny *синтаксические связи* a *синтаксические отношения* používané v pracích ruských syntaktiků byly zpočátku synonymní, ale v současné době se objevila tendence rozlišovat je, a dokonce určitým způsobem stavět do protikladu. Čeští rusisté i čeští bohemisté používají termín *syntaktické vztahy* a (jestliže jde o formální stránku vztahů) operují s termínem *syntaktické prostředky* nebo *prostředky* / *způsoby vyjádření syntaktických* / *skladeb-*

ních vztahů. Otázka syntaktických vztahů i syntaktických prostředků vyvolávala dlouhá léta zájem jak v ruské, tak v české syntaktické tradici, proto se autorka snaží prozkoumat, jak jsou tyto pojmy chápány a vnitřně členěny v pracích ruských (A. A. Barsov, F. I. Buslajev, P. A. Lekant, A. A. Potěbna, Je S. Skoblikova, V. V. Vinogradov aj.) a jak v pracích českých (H. Flídrová, J. Hrbáček, R. Mrázek, V. Slovák, R. Zimek, S. Žaža) rusistů a českých bohemistů (M. Grepl, P. Karlík, F. Kopečný, V. Šmilauer, F. Trávníček). Je patrné, že tato díla velmi pečlivě přečetla a promyšleně s nimi pracovala. Jako skvělý příklad komparativistické práce O. Berger oprávněně vyzdvihuje vysokoškolská skripta H. Flídrové a S. Žaži *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским* (2005), v nichž jsou nejen porovnávány syntaktické jevy, ale komparativistický přístup se projevuje i v používané terminologii: k důležitým syntaktickým termínům autoři uvádějí české ekvivalenty.

Čtvrtá, nejobsáhlejší kapitola *Члены предложения* obsahuje charakteristiku tohoto pojmu a popis a analýzu jednotlivých větných členů, přičemž v úvodu kapitoly je uveden seznam publikací použitých jako zdroje pro daný výzkum. Jsou mezi nimi opět práce, především gramatiky, jejichž autory jsou ruští a čeští rusisté a čeští bohemisté. O. Berger začíná svůj výklad zkoumáním ústředního pojmu – *член предложения*. Dochází k závěru, že různorodé příznaky, na jejichž základě se větné členy rozlišují, vedou k absenci jasných hranic mezi větnými členy a k nejednoznačnému výkladu syntaktické kategorie. V této souvislosti odkazuje na analýzu daných příznaků provedenou V. Slovákem v jeho článku z r. 2017. Jednotlivé podkapitoly autorka věnuje hlavním větným členům (a tedy termínům *подлежащее, сказуемое*), větným členům rozvíjejícím (*дополнение, определение, приложение, обстоятельство*) a větným členům rozlišovaným pouze některými lingvisty (*семантический субъект, дуплексив*), přičemž analyzuje přístupy ruských i českých syntaktiků (kromě jazykovědců, kteří byli jmenováni již výše, zde pracuje také s díly G. P. Dručina, N. K. Onipenka, G. A. Zolotovové, P. Adamce, V. Barnetové, H. Běličové-Křížkové, Z. Hlavsy, M. Kubíka). Každý větný člen vždy podrobně rozebírá, konfrontuje ruskou a českou terminologii, porovnává chápání toho kterého větného členu v ruské a české syntaktické tradici i u jednotlivých autorů. V závěru každého oddílu výsledky svého zkoumání shrnuje a vyhodnocuje. Poslední podkapitola představuje rekapitulaci všech autorčinných zjištění, k nimž došla ve čtvrté kapitole své práce. Konstatuje, že klasifikace větných členů je v pojetí různých syntaktiků založena na různých kritériích, což je podmíněno složitostí větných členů, různorodostí jejich strukturních, sémantických i komunikativních funkcí. To zase vede, jak již bylo zmíněno, k absenci pevných hranic mezi větnými členy a k existenci synkretických větných členů spojujících v sobě příznaky několi-

ka větných členů (např. doplněk, sémantický subjekt). Na konci této podkapitoly O. Berger přehledně a věcně shrnuje nejdůležitější rozdíly v chápání všech větných členů.

Na konec monografie autorka zařadila ještě hutné třístránkové shrnutí všech svých závěrů, k nimž dospěla při zkoumání sledovaných ruských a českých syntaktických termínů.

Olga Berger zvolila pro svoji práci dosti náročné a spleťtí téma. Jistě nebylo jednoduché vytvořit takovou koncepci práce, při níž se autorka v dané problematice neztratí, nezabředne do přílišných podrobností, a přitom nic relevantního neopomene. Je zřejmé, že Olze Berger se to podařilo. Sledovanou problematiku důkladně prostudovala z hlediska diachronického i synchronického, podrobně se seznámila s celou řadou prací, s celou řadou teorií a přístupů. Její výklad je velice zasvěcený, promyšlený, hutný, věcný a výstižný. Tato monografie přináší nové poznatky v oblasti teoretických problémů srovnávací terminologie, ale má i význam praktický: výsledky autorčina výzkumu mohou být využity při sestavování terminologické databáze a slovníku lingvistické (syntaktické) terminologie, při výuce. Práce je určena českým rusistům, ruským bohemistům, studentům ruštiny, překladatelům i všem dalším zájemcům, kteří se se zkoumanou problematikou setkávají.

Marta Vagnerová

Na prahu milénia. Antológia súčasných ukrajinských umeleckých textov (krátke útvary v 21. storočí), ed. Adriana Amir. Prešov, Prešovská univerzita v Prešove, Filozofická fakulta, 2021, 230 s., ISBN 978-80-555-2747-5.

Видання антології сучасних українських художніх текстів під редакцією Адріани Амір є якнайбільше на часі з багатьох причин. Але варто згадати хоча б декілька з них.

По-перше, українських авторів перекладають мало і небагато, а словацькою – ще менше, і тому будь-який проект такого типу завжди буде подією, актуальною і поготів.

По-друге, рецензоване видання розраховане не стільки на широкий читацький загал, скільки на студентську аудиторію, тобто на зацікавлену спільноту. А отже, є надія, що рецепція антології цією спільнотою не обмежиться, а буде мати певну перспективу.

По-утрете, кожен, навіть хисткий місточок між культурами близьких народів, безперечно, слугує на добре обом народам.

Концептуально, як зізнаються укладачі книги, «підбір літературних творів в антології сучасних українських художніх текстів під назвою *Na prahu milénia – На порозі тисячоліття* зумовлений [...] в першу чергу [...] суб'єктивн[ими] уподобання[ми] упорядників» [с. 7].

Ця характеристика має, вочевидь, амбівалентний характер, адже, з одного боку, йдеться про особистісно-емоційну ангажованість перекладачів та упорядників стосовно текстів, представлених у збірці. А з іншого боку, відразу знімає будь-які закиди щодо обмеженої, хибної чи, тим більше, спотвореної репрезентативності пропонованого літературного матеріалу.

Тож в антологію вміщено одинадцять текстів одинадцяти авторів, з яких твори тільки двох з них вже перекладалися словацькою – йдеться про Тараса Прохаська та Павла Коробчука. Натомість твори усіх інших звучать словацькою вперше.

До речі, звучать, наскільки я можу судити, не гірше, ніж оригінальні першодруки. І у цьому сенсі укладачам поталанило досягти ще одну мету, яку вони перед собою ставили, а саме: «ознайом[ити] читачів з простором сучасної української прози, де співіснують твори відомих авторів, а також нещодавно написані тексти літературних новачків» [с. 7].

Відтак відкриває збірку уривок з роману Тараса Прохасько *Непрости*, а тому здається, що таке рішення мало бути для укладачів теж *непростим*, бо починати знайомити словацького читача з українським простором, вдаючись до фантасмагоричного письма цього вже фактично класика сучасної української прози, вимагало неабиякої сміливості.

Однак у цьому ризикованому кроці були і свої переваги, які полягали у тому, що після Прохаськових образних екзерсисів уже, мабуть, ніхто і ніщо не здатне злякати потенційного реципієнта. Ані уривок із *Книги страхів* Тані Малярчук, у якому йдеться про героїню, що сховалася від світу в Карпатській гірській глушині. Ані історія хом'яка Саранських, що з'їв цим стареньким пів рояля і про що можна, зокрема, дізнатися з книги Лариси Денисенко *Сарабанда банди Сарри*. Ані від рецепту «“полівінілацетатн[ого] ра[ю]” та багато иньчих веселих штучок, від складу яких» навіть в оповідача-протагоніста з роману Любка Дереша *Поклоніння ящірці «виступав холодний піт»* [с. 57].

Зрештою, у рецензованій антології знайшлося місце і для відносно конвенційних текстів, як-от, наприклад, у разі із *Священною книгою гоповідань* Павла Коробчука, представлений уривок з якої завершується хепі-ендом якщо не для бійцівського пса Барсика, то, принаймні, для тріо головних героїв з дещо дивними іменами – І-раз, І-два, І-три. А уривок з роману Софії Андрухович *Фелікс Австрія* взагалі становить взірєць чи не класичного реалістичного роману з відповідних часів.

Хоча необхідно ствердити, що і одне з оповідань зі збірки Катерини Бабкіної *Щасливі голі люди*, теж, попри несподіваний поворот сюжету, на загал написано у традиційній оповідній тональності психологічної прози, започаткованої ще Михайлом Коцюбинським у його славетному *Інтермецо*.

Таким чином, вже з цього похідного аналізу згаданих частин антології стає цілком очевидним, що обшир запропонованого укладачами художнього простору сучасної української літератури є неабияким строкатим. Внаслідок цього якщо уривок із роману Юрія Винничука *Танго смерті*, вочевидь, і здатен викликати деякий подив, то цей подив швидко й радикально буде нівельовано уривком з роману Андрія Любки *Карбід*. А якщо події в новелі Христини Козловської *Інше життя* можуть легко спантеличити навіть досвідченого читача, то повернутися до суворої, але водночас пересічної трагедії буття цей читач легко зможе завдяки новелі Марини Єщенко *Моя Вірка*.

Отже, підсумовуючи, можна ствердити, що навряд чи укладачам поталанило вибудувати цілісну картинку українського простору. Та, певно, це і неможливо в засаді. Але, з іншого боку, це і добре, оскільки

є чимало підстав, аби обґрунтовано сподіватися, що у читачів виникне потреба самостійно створити таку картинку. І це є найбільшим досягненням тих, хто долучився до видання з перспективною та обнадійливо назвою – *На порозі тисячоліття*.

Фелікс Штейнбук

Poslední monografie Ally Vladimirovny Zločevské

Na konci února dorazila do Olomouce monografie Ally Vladimirovny Zločevské *Эволюция мистической метапрозы В. Набокова (В. Сирина)* s upřesňujícím záhlavím *Русскоязычный период* (Moskva, ALMAVEST, 2021). Je to poslední z řady autorčiných monografií poslední let o mystické metapróze ve světové literatuře, ve se vedle sebe ocitly tři mimořádné osobnosti světové literatury: Herman Hesse, Vladimir Nabokov a Michail Bulgakov. V poslední monografii Alla Vladimirovna metodologicky navazuje na předchozí úvahy o mystickém aspektu evropského románu a zvláště na pasáže o trojrozměrném chápání reality, které se promítá do fikční reality tohoto typu románu. Vychází tak z koncepce V. E. Alexandrova, který pokládá transcendentní dominantu v románech Nabokova za natolik stěžejní, že je možné ji pokládat za jednotící princip při vytváření struktury epického tvaru. Tímto úhlem pohledu je vytvořen základní předpoklad pro čtení textů V. Nabokova ve smyslu metaliteratury a metafyziky, ve smyslu prosakování jiných světů, jiných realit do fikčního románového prostoru. Nabokovovy prózy jsou, podle autorky, interakcí metaliteratury a metafyziky, která čerpá ze vzájemného prostupování a oboustranného doplňování výchozích textových alternativ. Metaprózu chápe A. V. Zločevská jako estetiku prostupování tří fikčních úrovní: fyzické, metafyzické a kreativně-metaliterární. Z tohoto pohledu jsou nahlíženy také ruskojazyčné romány Vladimira Nabokova-Sirina, které jsou svojí koncepcí a samotnou podstatou v příkrém rozporu s koncepcemi tradičně pojímaného realistického umění, neboť, podle Nabokova, nelze v žádném případě hovořit o objektivní realitě a slovo „realita“ nelze psát jinak než s uvozovkami.

Na „ruské“ období Vladimira Nabokova nahlíží A. V. Zločevská jako na jistou estetickou laboratoř, v níž Nabokov rozehrává řadu románových postupů, které se stanou trvalou součástí jeho poetiky. Autorka zastává názor, že jde o různé varianty tématu *oběti* (*Защита Лужина*), různé podoby zamýšleného hrdinského činu, nebo rozhodnutí jednat ve prospěch nesmrtelného

dobra (Подвиз). Jsou nastoleny otázky o *hříchu, zradě, smrti, o průhledech do onoho světa (Приглашение на казнь)*. Autorka připomíná tematické varianty podvodníků a ďábelkých tvůrců (*Камера обскура, Отчаяние*) i pozici básníků a vědců, pracujících s kouzlem rozmanitosti světa (*Дар*). Autorka předkládá ruskojazyčné období Nabokovova románu jako neustálý dialog mezi kreativností a pseudouměním, ovšem inteligentním, někdy však zvráceným a přecházejícím do ďábelské geniality. Především pak Nabokov zdůrazňuje individualitu tvůrce s jeho osobitostým pohledem na svět.

A. V. Zločevská dochází k závěru, že mystický metaromán V. Nabokova-Sirina, jeho vnitřní forma a poetika se vyvíjejí na principu spirály. Vychází z Nabokovovy myšlenky, že spirála je vyšší, duchovní forma kruhu. Spirála se vysvobodí z roviny horizontály a nabude živou, prostorově trojrozměrnou podobu. A. V. Zločevská vnímá evoluci románového tvaru ruskojazyčného V. Nabokova-Sirina na základě paralely spirály a jejího přechodu do vyšších úrovní fikční reality, v níž mají své místo mystika a přerod románu v metaromán. V této souvislosti je věnována pozornost roli autora, způsobům vyjádření autorské pozice v textu a jeho přítomnosti ve fikční realitě. V těchto pasážích monografie se pozornost soustřeďuje na autora, jeho masky, vypravěče a hrdiny. V této souvislosti věnuje monografie pozornost i čtenáři a jeho nutné spoluúčasti na autorské textové hře, která má v Nabokovově románu velké množství variant. Herní románový princip se rodí v prostředí Nabokovova pobytu „mimo Rusko“, především v Berlíně a potom dál ve Francii.

Dále jsou zdůrazněny různé varianty autorského narativu a „druhého hlasu“, přítomnost „jakoby“ autora ve fikční realitě románu (*Дар, Отчаяние, Приглашение на казнь, Защита Лужина*). Dále je evoluční spirála románu nahlížena na pozadí estetické kreativity Vladimira Nabokova a v této souvislosti jsou posuzovány motivy snové reality, šachové hry a její přerod do šachově uspořádané kompozice, motivy otce a znovuzrození, chronotopu a prosazování se trojrozměrných souvislostí do časoprostorových rovin.

Autorka dochází k závěru, že předložená metoda čtení románů V. Nabokova jako textů mystické metaprózy (trojrozměrná struktura – empirická, metafyzická, kreativně-metaliterární), umožňuje odlišení Nabokovovy estetiky od oblasti textů modernismu a postmodernismu. Potud text monografie.

Bohužel, už nikdy nebude možné kolegiálně a v dobré atmosféře diskutovat s Allou Vladimirovnu Zločevskou o otázkách, které nás v souvislosti s poslední monografií napadají. Byly by to oblasti problémů spojených s otázkami, zda se román (který je velmi rozmanitý a potenciálně připravený na jakákoli témata a jejich hloubku) může proměnit na svou mystickou variantu pouze na základě dominujícího mystického tématu a zda má dominující téma sílu proměnit román v metaromán a proměnit svoji strukturu do

jiného žánrového uspořádání. Nabízely by se otázky poměru mezi autorem a vypravěčem, mezi autorem a textem, obecné otázky o roli čtenáře Nabokovových textů a o možnostech jeho interpretace. Určitě by zazněly úvahy, zda je možné hovořit o evoluci románu V. Nabokova, zda nejde jen o různé romány s různými strukturními prioritami. Vznegli bychom dotazy, jak do koncepcie mystického románu zapadá Nabokovova parodie a ironie a jejich role při konstituování románového žánru. Určitě bychom s Allou Vladimirovnou diskutovali o hranicích mezi modernismem a postmodernismem a o otázce možného výsadního postavení textů mystické metaprózy mezi jinými stále živými texty, v nichž probíhá neustálé významové dění, proměna a generování stále nových a nečekaných významů.

Ale tyto otázky už paní Alle Vladimirovně Zločevské nelze položit. Její kniha je definitivně uzavřena a bude zařazena do knihovny o Nabokovovi, a to mezi jeho největší vykladače a znalce.

Dovolím si na památku paní Ally Vladimirovny Zločevské připojit několik slov, a to nejen proto, že byla v redakční radě našeho časopisu *Rossica Olomucensia*.

Paní Alla Vladimirovna Zločevská nás navždy opustila. Stalo se to 2. května 2022. Odešla významná vědecká osobnost Filologické fakulty Moskevské státní univerzity, doktorka věd, naše redakční kolegyně a dobrý člověk. Zemřela po nedlouhé nemoci a zanechala po sobě více než 200 vědeckých prací o ruské literatuře 19. a 20. století, včetně pěti monografií. Ne všichni vědí, že Alla Vladimirovna dosáhla vědeckých úspěchů nejen díky svému talentu a celoživotnímu pracovnímu úsilí, ale i navzdory nepřízni osudu, který ji po prodělání dětské obrny navždy upoutal k invalidnímu vozíku. Přes všechny životní nepřízně byla laskavým člověkem, nezatrpkla a byla k lidem okolo vnímavá a neobyčejně přátelská. Měla originální vhled do literatury, který uplatnila ve svých studiích časopiseckých i monografických knižních pojednáních. Pod vedením prof. K. I. Tuňkina obhájila na začátku osmdesátých let minulého století diplomovou práci o F. M. Dostojevském, a to, jistým způsobem, předurčilo její celoživotní literárněvědnou orientaci. Celý profesionální život Ally Vladimirovny byl spjat s filologií a vědeckou fakultní laboratoří, která je orientována na výzkum ruské literatury v současném světě. Od začátku své životní vědecké dráhy se soustavně zabývala komparativními studii, které protínaly ruskou, českou a slovenskou literaturu. Psala o české a slovenské rusistice a velmi živě se zajímala o rusistické dění v Brně, Olomouci či Nitře. Publikovala stati, připravovala konferenční příspěvky, vytvářela bibliografie a recenzovala vědecké dění v české a slovenské rusistice. Udržovala blízké vědecké kontakty s brněnskou prof. D. Kšicovou, prof. I. Pospíšilem či nitranským rusistou prof. A. Červeňákem. Do posled-

ních dnů byla v kontaktu i s olomouckou rusistikou, byla v redakční radě časopisu *Rossica Olomucensia*.

Její vědecký záběr byl obdivuhodný a celý život se rozšiřoval. Její doménou byla ruská literatura XX. století v celém jejím rozmanitém spektru. Její doktorská disertace *Художественный мир В. Набокова и русская литература XIX в.: генетические связи, типологические параллели и оппозиции* (2002) a monografie *Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века* (2002) tuto pestrost dokládají od prvopočátku jejího vstupu na pole mezinárodně respektované literární vědy. V poslední době se intenzivně věnovala mystické próze v evropské a světové literatuře. Vrcholem tohoto usilování se stala monografie *Три лика мистической метапрозы XX в.: Г. Гессе – В. Набоков – М. Булгаков* (2016) a *Мистическая метапроза XX века: генезис и метаморфозы (Герман Гессе – Владимир Набоков – Михаил Булгаков)* (2019). Za poslední z této řady knih byla oceněna Moskevskou státní univerzitou.

Dalším velkým tématem Ally Vladimirovny byla ruská emigrace. Emigrací se zabývala od začátku devadesátých let 20. století. Pro jedinou syntetickou knihu a univerzitní učebnici v Rusku o ruské emigraci *История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.)* (2011) napsala dvě kapitoly: *Поэзия эмиграции первой волны а Драматургия эмиграции первой волны*. Současně vydala knižní studijní texty poezie ze zmíněného období, byla to *Поэзия русского зарубежья*, (2016). Byla rovněž autorkou a členkou redakčního týmu bibliografických anotovaných rejstříků *Изучение русской литературы за рубежом. 1980-е годы (1995)* a *Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е гг.)* (2002).

Stati Ally Vladimirovny byly vydávány v prestižních časopisech jak ruských, tak i zahraničních. Byly to *Вопросы литературы*, *Русская литература*, *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, *Филологические науки*, *Русская словесность*, *Studia Slavica Hungarica*, *Opera Slavica*, *Nová rusistica*, *Rossica Olomucensia* a jiné. Byla členkou redakční rady elektronického časopisu *Stephanos*, jemuž věnovala mnoho pracovního úsilí.

Poslední kniha Ally Vladimirovny dorazila do Olomouce na konci února 2022. Byla to monografie *Эволюция мистической метапрозы В. Набокова (В. Сирина). Русскоязычный период* (2021).

I na českých a slovenských univerzitách jsme zarmoucení odchodem Ally Vladimirovny Zločevské. Její lidský a vědecký příběh se uzavřel.

Paní Allo, bylo nám ctí s Vámi spolupracovat.

Za redakci časopisu *Rossica Olomucensia* a za všechny olomoucké kolegy
a kolegyně

Zdeněk Pechal

Daný text byl v upravené podobě poskytnut také brněnskému univerzitnímu časopisu *Opera Slavica*.

V časopise jsou publikovány původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou (od r. 2008 tvoří původní stati 80 % obsahu čísla) a další materiály (recenze, zprávy, kronika) z oblasti jazykovědné a literárněvědné rusistiky a dalších slovanských filologií. Příspěvky lze publikovat ve všech slovanských jazycích a v angličtině. Příspěvky jsou opatřeny anglickým abstraktem. V r. 2008 byla ustavena redakční rada a všechny příspěvky důsledně procházejí nezávislým, anonymním recenzním řízením.

Jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, v tomto smyslu se podepisuje s autorem příspěvku přijatého k publikaci licenční smlouva vypracovaná právním oddělením UP v Olomouci. Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením (dva nezávislí posuzovatelé, z nichž ani jeden není členem redakce či pracovníkem stejného pracoviště jako autor či spoluautor).

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce ledna a června příslušného roku.

Pokyny pro autory

Texty příspěvků zasílejte na e-mail:

jitka.komendova@upol.cz.

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo docx (např. novak.docx, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku

Jméno autora bez titulů v pořadí: jméno, (jméno po otci), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu min. 500 až 700 znaků s mezerami včetně

názvu stati v angličtině. Uvádí se za slovem Abstract.

Klíčová slova v angličtině: 10–15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words.

Text příspěvku: základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formátování se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, odstavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat. Mezititulky neoddělovat mezerami. Je nutno povolit funkci „dělení slov“.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt. Doporučený minimální rozsah 27 000 znaků včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktu, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpované literatury). Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek) se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Obsáhlejší ukázky z krásné literatury nebo lingvistické příklady uvádějte dle následujícího vzoru:

Но в человеке еще живет маленький зритель – он не участвует ни в поступках, ни в страдании – он всегда хладнокровен и одинаков. Его служба – это видеть и быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека и неизвестно, зачем он одиноко существует. Этот угол сознания человека день и ночь освещен, как комната швейцара в большом доме. Круглые сутки сидит этот бодрствующий швейцар в подъезде человека, знает всех жителей своего дома, но ни один житель не советуется со швейцаром о своих делах. Жители входят и выходят, а зритель-швейцар провожает их глазами. [...] Он существовал как бы мертвым братом человека [...] Это евнух души человека «Чевенгур» [Платонов 1988: 114-115].

Гнучкий розум, приховані лідерські задатки та непохитна цілеспрямованість перетворили сором'язливого, на перший погляд, класичного «ботана» з Сієтла на «акулу» світового бізнесу та справжнього комп'ютерного генія. [24tv 06.11.2015]

Слідом за **ділком у рясі** був виведений на чисту воду й другий «збирач жертвувань» – демохристиянин Джіно Арджентіно, що зробив тоді, як був міським радником, аналогічну «операцію». [Молодь України 1981, №194]

Citace se uvádějí uvozovkami specifickými pro každý jazyk. Odkazy na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu.

Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Kniha, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera Slavica* XVI, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Elektronické zdroje:

КОЛЯДА, Н. (2010): *Старосветские помецики* (6. 9. 2010), kolyada.ur.ru/starosvet.

Informace o autorovi:

Jméno včetně titulů.

Stručný vědecký profil.

Adresa pracoviště.

Internetová stránka pracoviště.

E-mail autora.

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky nebudou publikovány.

Требования к оформлению статей

Общие требования

Для публикации в журнале принимаются статьи филологического, т.е. языковедческого, фразеологического, литературоведческого, переводческого содержания на всех славянских языках и английском языке, рецензии, информация о научных конференциях. Материалы публикуются бесплатно.

Принимаются только материалы, которые до сих пор не были опубликованы в другом журнале – в этом смысле с авторами статей заключается и подписывается соглашение о предоставлении редакции права публиковать данные материалы.

Предоставленные в редакцию статьи должны отвечать указанным ниже требованиям. В случае несоответствия материалов требованиям последние возвращаются авторам для переработки.

Все статьи подвергаются независимому, объективному, анонимному рецензированию.

Материалы в редакцию можно предоставлять в течение всего года. Первый номер выходит обычно в первой половине года, второй к концу того же года.

Авторы статей, рецензий, информации о конференциях, хроник несут персональную ответственность за языковую и грамматическую точность текста. Отклоненные рецензентами тексты к публикации не допускаются.

Тексты для публикации высылать по эл. почте: jitka.komendova@upol.cz.

Требования к оформлению статей, материалов

Файл должен быть назван по фамилии автора только латинскими буквами с расширением *doc*. или *docx*. (например, *novak.doc* или *novak.docx*).

Структура статьи

Имя, (отчество) и фамилия автора

Название страны и города

Название статьи на языке статьи

Резюме на английском языке, включая переведенное на английский язык название статьи. Резюме приводится после слова *Abstract*. Объем резюме ок. 500–700 знаков.

Ключевые слова (10–15 слов под рубрикой *Key Words*).

Основной текст статьи печатается 12 кеглем в Times New Roman, межстрочный интервал 1,5. Все поля – 2,5 мм. Абзац обозначать только с помощью клавиши Enter, переносов не делать, страницы не нумеровать. Необходимо включить функцию «расстановка переносов».

Редактор: Word for Windows.

Рекомендуемый минимальный объем текста 27 000 знаков (включая интервалы, текст, резюме и список использованной литературы).

Ключевые слова и слова-примеры, предложения-примеры выделять курсивом, в случае необходимости – жирным. Большие по объему цитаты из художественной литературы или лингвистические примеры оформляйте по следующему образцу:

Но в человеке еще живет маленький зритель – он не участвует ни в поступках, ни в страдании – он всегда хладнокровен и одинаков. Его служба – это видеть и быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека и неизвестно, зачем он одиноко существует. Этот угол сознания человека день и ночь освещен, как комната швейцара в большом доме. Круглые сутки сидит этот бодрствующий швейцар в подъезде человека, знает всех жителей своего дома, но ни один житель не советуется со швейцаром о своих делах. Жители входят и выходят, а зритель-швейцар провожает их глазами. [...] Он существовал как бы мертвым братом человека [...] Это евнух души человека «Чевенгур» [Платонов 1988: 114-115].

Гнучкий розум, приховані лідерські задатки та непохитна цілеспрямованість перетворили сором'язливого, на перший погляд, класичного «ботана» з Сіетла на «акулу» світового бізнесу та справжнього комп'ютерного генія. [24tv 06.11.2015]

Слідом за **ділком у рясі** був виведений на чисту воду й другий «збирач жертвувань» – демохристиянин Джіно Арджентіно, що зробив тоді, як був міським радником, аналогічну «операцію». [Молодь України 1981, №194]

Цитаты выделяют кавычками, не используя курсив (образец: «Цитата», „Citace“, “Citation”).

Ссылки в тексте оформляются квадратными скобками, где приводится фамилия автора, год издания и страница по образцу: [Бархударов 1975: 190–213].

Сноски просьба использовать только для примечаний, ссылки на использованную литературу оформлять так, как указано выше.

Подчеркивания не допускаются.

Список использованной литературы приводится в конце статьи под рубрикой *Использованная литература*.

Книга:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Статья в журнале:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera Slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Статья в сборнике:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Электронные источники:

КОЛЯДА, Н. (2010): Старосветские помещики (6. 9. 2010), kolyada.ur.ru/starosvet.

Профиль автора:

Ф.И.О., включая ученую степень, звание

Краткое представление научных интересов автора

Полный адрес университета (места работы)

Веб-сайт организации

Электронная почта автора